

Луис Сундквист

**ВИЛЬГЕЛЬМ ВОЛЬФЗОН, КЛЕР ФОН ГЛЮМЕР
И ПЕРВЫЕ НЕМЕЦКИЕ ПЕРЕВОДЫ
РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ»¹**

Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым —
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты мировым...

*Ф. И. Тютчев. <В. Вольфзону>
Март? 1861 г.*

По предположению Кристи Шультце, высказанному в ее замечательной диссертации о роли Вильгельма Вольфзона (Wilhelm Wolfsohn; 1820–1865) в распространении русской литературы в Германии, вышеприведенные стихи Ф. И. Тютчева были написаны в марте 1861 года, когда Вольфзон находился в Петербурге, пытаясь добиться поддержки русского правительства для создания журнала, посредством которого он хотел ознакомить немецкую публику с «значительнейшими явлениями умственного развития России» и содействовать «рассеянию тех заблуждений, кои доньше на Западе существуют относительно всего, что происходит в России».² Недаром, кажется, Вольфзон год спустя в первом

---

¹ Часть настоящей статьи, посвященная Вольфзону, появилась в сокращенном виде на немецком языке: *Sundkvist L. Wilhelm Wolfsohn als Übersetzer von Turgenyevs Roman «Отцы и дети» («Väter und Kinder»)* // *Fontane Blätter*. 2015. Н. 99. S. 41–96.

² Цит. по: *Lehmann-Schultze Ch. Aus Wilhelm Wolfsohns Leben und Wirken als Vermittler russischer Literatur in Deutschland (1840–1865). Dissertation. Humboldt-Universität zu Berlin, 1964. Anlage 33. Далее — Aus Wolfsohns Leben und Wirken. Письмо*

номере издававшегося им в Лейпциге журнала «Russische Revue» поместил в самом начале свой перевод стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья...»³ — стихотворения, столь дорогого и «западнику» Тургеневу, и «почвеннику» Ф. М. Достоевскому.⁴ Открывая новый журнал этим стихотворением, Вольфзон не только отдавал дань признательности поэту, который поддержал его в смелом начинании,⁵ но и намекал на те основные идеи, которыми он руководствовался при издании «Russische Revue». Это прежде всего — любовь к России, которую уроженец Одессы сохранил на всю жизнь, и вместе с тем осознание тех трудностей, которые стояли на пути дальнейшего развития страны, — трудностей, обусловленных не только ее «скудной природой», но и тяжелым наследием крепостничества, которое царский манифест 19 февраля (3 марта) 1861 года, конечно, не смог сразу устранить. Тем не менее вера в то, «что сквозит и тайно светит» под грубой подчас корой русской народной жизни, наполняла Вольфзона надеждой на благополучное будущее родной земли и силами для исполнения задачи, которую он поставил себе, поселившись в Германии, — открыть «гордому иноплеменному взору» красоту и богатство русской культуры.

Если первым образцом русской поэзии, появившимся на страницах «Russische Revue» в мае 1862 года, было стихотворение Тютчева, то первым произведением русской художественной прозы, помещенным Вольфзоном в новом журнале, оказалась повесть Тургенева «Фауст» — правда,

---

к министру народного просвещения Евг. П. Ковалевскому от 29 марта (10 апреля) 1861 г. За помощь в получении доступа к этой неопубликованной диссертации Кристи Шульце приношу глубокую благодарность сотрудникам Архива Теодора Фонтане в Потсдаме — Ганне Дельф фон Вольцоген (Hanna Delf von Wolzogen), Петеру Шеферу (Peter Schaefer) и Ингольфу Швану (Ingolf Schwan), — а также Бербел Расым (Bärbel Rasym), сотруднице библиотеки при Берлинском университете им. Гумбольдта. Благодаря межбиблиотечному обмену оказалось возможным в августе 2013 г. получить оттуда машинописный подлинник диссертации для ознакомления в Австрийской национальной библиотеке в Вене.

³ Mein Vaterland. Von Theodor Tiutschew // Russische Revue. 1863. Bd. 1. N. 1. [Mai]. S. 7. Вольфзон подписал перевод инициалами «W. W.», как и все остальные свои переводы, которые были впоследствии напечатаны в этом журнале.

⁴ См. письмо Тургенева к М. Н. Зубовой от 6 (18) марта 1862 г., в котором он по памяти привел все три строфы этого стихотворения: ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 32. Отзвуки этих тютчевских стихов то и дело появляются как в литературном творчестве, так и в публицистике Достоевского — вплоть до Пушкинской речи 1880 г.

⁵ Об отношениях Вольфзона и Тютчева см.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 195. Anm. 1.

в переводе не самого Вольфсона, а Фридриха Боденштедта.⁶ Это также не представляется случайным. Хотя Вольфзон и Тургенев, по-видимому, никогда не состояли в переписке, мы тем не менее достоверно знаем, что они познакомились в мае 1861 года во время пребывания Вольфсона в Петербурге. На это обстоятельство обратила внимание К. Шульце в своей диссертации, указав на фотографию Тургенева с дарственной надписью на русском языке: «Г-ну Вольфзону на память о нашей петербургской встрече. Тургенев», сведения о которой она обнаружила в старом аукционном каталоге.⁷ Исследовательница предположила, что в ходе этой встречи сам Тургенев натолкнул Вольфсона на мысль привлечь Боденштедта к сотрудничеству в «Russische Revue», так как последний являлся в то время самым востребованным в Германии переводчиком с русского.⁸ Выбор же повести «Фауст» для перевода исходил не от Вольфсона, а от самого Боденштедта.⁹

Как бы то ни было, эта повесть Тургенева наглядно демонстрировала идею посредничества между Россией и Германией, которую Вольфзон положил в основание своего журнала, так как в ней нашло отражение благотворное, хотя и сложное влияние немецкой поэзии на культурное сознание русского дворянства. В выборе последующих двух произведений Тургенева, появившихся в «Russische Revue» в 1863 году, — «Муму»

---

⁶ Faust. Novelle in neun Briefen. Von Iwan Turgenew. Deutsch von Fr. Bodenstedt // Russische Revue. 1863. Bd. 1. N. 1. [Mai]. S. 59–96. Боденштедт впоследствии включил этот перевод в первый том вышедшего в Мюнхене двухтомного собрания повестей и рассказов Тургенева (1864–1865). О роли этого издания в распространении творчества Тургенева в Германии см. работы Х. Раппиха: 1) Тургенев и Боденштедт / Пер. с нем. Л. М. Бродской // ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 342–349; 2) F. Bodenstedt und Turgenew // T und Deutschland. S. 230–233.

⁷ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 118. Каталог, на который ссылается К. Шульце: J. A. Stargardt. Auktionskatalog 298 (Auktion vom 7. XII. 1929), лот № 202. К сожалению, фотография Тургенева здесь не была воспроизведена. В описании лота дается лишь немецкий перевод надписи («Herrn Wolfsohn zur Erinnerung an unser Petersburger Zusammentreffen. Turgenjew»), так что нам пришлось перевести этот текст обратно на русский. За предоставление цифровой копии из этого каталога благодарю Герберта Альбрехта (Herbert Albrecht), сотрудника фирмы Штаргардт. Хотя дата в надписи не обозначена, ее, без сомнения, следует отнести к маю 1861 г., так как только в этот период, как указывает Шульце, Тургенев и Вольфзон одновременно находились в Петербурге.

⁸ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 198; Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn / Hsg. von Ch. Schultze. Berlin; Weimar, 1988. S. 255.

⁹ Ср. запись в дневнике Боденштедта от 8 (20) апреля 1862 г.: *Rappich H. F. Bodenstedt und Turgenew*. S. 241.

(в переводе Вильгельма фон Коцебу)¹⁰ и «Постоялого двора» (на этот раз переводчиком выступил сам Вольфзон)¹¹ — чувствуется уже стремление Вольфзона довести до сведения образованного немецкого читателя не только те стороны русской жизни, которые были ему созвучны и понятны, но и трагические явления крепостнического быта, сквозь которые, однако, как и в стихотворении Тютчева, можно было усмотреть богатейший потенциал русского народа, отразившийся как в «бунте» Герасима, так и в христианском смирении Акима перед несправедливостью, обрушившейся на них по воле их владелиц. Как убедительно предположила Шульце,¹² по схожим причинам Вольфзон взялся также за перевод четырех глав из «Записок из Мертвого дома» Достоевского¹³ и повести Л. Н. Толстого «Поликушка».¹⁴

Ввиду вышесказанного не удивительно, что роман Тургенева «Отцы и дети», в котором помимо его художественных достоинств был поднят самый актуальный для русского общества в середине XIX века вопрос о возможности взаимопонимания между образованным классом и порабощенными на протяжении долгого времени крестьянами, привлек внимание Вольфзона. Приобретя — по всей видимости, во время очередного приезда в Петербург в марте — апреле 1863 года — экземпляр отдельного издания романа, вышедшего в Москве в сентябре 1862 года,¹⁵ Вольфзон уже в начале 1864 года собирался перевести его и напечатать перевод по частям на страницах своего журнала. По разным причинам,

---

¹⁰ Mumu. Erzählung von Iwan Turgenew. Deutsch von W. v. K. // Russische Revue. 1863. Bd. 1. H. 4. [Mai]. S. 352–376. Об этом переводе см.: *Сундквист Л.* Немецкий переводчик «Муму» Вильгельм фон Коцебу и один малоизвестный отзыв об этой повести // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 264–271.

¹¹ Der Gasthof. Erzählung von Iwan Turgenew // Russische Revue. 1863. Bd. 2. H. 3. [September]. S. 216–233; H. 4. [Oktober]. S. 287–309; H. 5. [November]. S. 401–413. Переводчик подписался лишь на самой последней странице — криптонимом «W. W.».

¹² См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 172–173, 211–212.

¹³ Theodor Dostojewsky und seine sibirischen Memoiren // Russische Revue. 1863. Bd. 1. H. 2. [Februar]. S. 136–187; Aus Dostojewsky's sibirischen Memoiren // Ibid. H. 3. [Mai]. S. 226–243. Инициалы переводчика «W. W.» выставлены в конце каждого из двух разделов.

¹⁴ Paul. Erzählung vom Grafen Leon Tolstoy // Russische Revue 1863. Bd. 2. H. 1. [Juli]. S. 28–50; H. 2. [August]. S. 105–146. Инициалы переводчика «W. W.» выставлены на последней странице перевода.

¹⁵ Этот экземпляр отмечен в перечне книг из библиотеки Вольфзона, составленном им самим. Шульце в свое время имела возможность изучить этот ныне утраченный список. См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 201. Anm. 1.

о которых в дальнейшем пойдет речь, он смог приступить к осуществлению этого замысла лишь год спустя, но, к сожалению, тяжелая болезнь (рак печени) и преждевременная кончина в августе 1865 года не дали ему завершить свой труд. Только первые десять глав романа Тургенева в его переводе появились в «Nordische Revue» (новое название журнала с апреля 1864 г.) в феврале и марте 1865 года.¹⁶

Заверши Вольфзон свой труд, мы имели бы не только отличный (судя по качеству первых десяти глав) полный немецкий перевод «Отцов и детей», но и, что очень важно подчеркнуть, перевод, непосредственно выполненный с русского языка. После смерти Вольфзона немецкому читателю пришлось ждать более десяти лет, прежде чем появился первый перевод романа, в основу которого лег подлинник на русском языке,¹⁷ так как и первый полный немецкий перевод, печатавшийся в фельетонах штутгартской газеты «Der Beobachter» с сентября по декабрь 1865 года, автор которого скрылся за инициалами «О. Ф.»¹⁸ и второй по времени перевод Клер фон Глюмер, публиковавшийся с конца октября по декабрь 1868 года в литературном приложении к немецкоязычной пражской газете «Correspondenz»,¹⁹ и, наконец, отредактированный Людвигом Пичем и частично самим Тургеневым перевод из «Beobachter», который составил вышедший в свет в 1869 году первый том задуманного рижским издателем Бернгардом Эрихом Бере собрания избранных сочинений Тургенева на немецком языке,²⁰ — все они либо полностью, либо большей частью опирались на французское издание романа.²¹

---

¹⁶ Väter und Kinder. Roman von I. S. Turgenew // Nordische Revue. 1865. Bd. 3. H. 2. [Februar]. S. 135–166; H. 3. [März]. S. 309–331. Далее — *Wolfsohn 1865*. Как обычно в переводах Вольфзона, появившихся в «Russische Revue» и «Nordische Revue», имя переводчика в начале не указано. К этому и другим аргументам, позволяющим с полной уверенностью приписать перевод Вольфзону, мы еще вернемся.

¹⁷ *Turgenjef Iwan*. Väter und Söhne. Aus dem Russischen von W. Lange. Leipzig, 1876 (Reclam Universalbibliothek Bde 718–720).

¹⁸ Väter und Kinder. Von Ivan Turgenieff (Aus dem Französischen übersetzt von O. F.) // Der Beobachter. Ein Volksblatt aus Schwaben. 1865. № 228–303.

¹⁹ Väter und Kinder. Roman von Iwan Turgenéeff. Deutsch von Claire von Glümer. Autorisierte Übersetzung. (Roman-Beilage der «Correspondenz»). Prag: Verlag der Red. der «Correspondenz»; Druck von Dr. F. Skrejšovský, 1868. Далее — *Glümer 1868*.

²⁰ *Turgenjew Iwan*. Ausgewählte Werke. Mitau: E. Behre's Verlag, 1869. Bd. 1: Väter und Söhne. Об этом издании и о переводе из «Beobachter» см.: *Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание) // *Тургенев. НИиМ* (3). С. 289–315.

²¹ *Tourguéneff Ivan*. Pères et enfants. Précédé d'une lettre à l'éditeur par Prosper Mérimée. Paris: Charpentier, Libraire-éditeur, 1863. Далее — *Charpentier 1863*.

В настоящей работе, посвященной незавершенному переводу «Отцов и детей», выполненному Вольфзоном, и продолжившей его дело немецкой писательнице Клер фон Глюмер (Claire von Glümer; 1825–1906), которая была знакома с Вольфзоном и жила с ним в одном городе (Дрезден), мы хотим сначала представить биографический очерк о Вольфзоне, о котором в последнее время появилось немало ценных исследований на немецком языке,²² но которому в русской научной литературе пока не было уделено должного внимания.²³

Биография и литературная судьба Вильгельма Вольфзона²⁴

Родившийся в Одессе 8 (20) октября 1820 года Карл Вильгельм Вольфзон происходил из еврейской семьи с немецкими корнями. Его

---

²² См. работы Верены Дорн (Verena Dohrn), Франка Гёпферта (Frank Göpfert), Эрхарда Хексельшнейдера (Erhard Hexelschneider), Алексиса Хофмейстера (Alexis Hofmeister), Ингольфа Швана и др. в сборнике: Theodor Fontane und Wilhelm Wolfsohn — eine interkulturelle Beziehung: Briefe, Dokumente, Reflexionen / Hsg. von Hanna Delf von Wolzogen und Itta Shedletzky. Tübingen, 2006. Далее — *Fontane und Wolfsohn 2006*.

²³ Единственная известная нам работа на русском языке, которая полностью посвящена Вольфзону: Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.) // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1969. С. 115–127. В статье Ботниковой (за возможность ознакомления с которой благодарю В. А. Лукину) дается довольно хорошая характеристика деятельности Вольфзона, но в то же время встречаются и фактические неточности, как, например, утверждение, что Вольфзон одновременно издавал два журнала в Лейпциге и Петербурге (Там же. С. 116).

²⁴ Помимо упомянутой диссертации К. Шульце 1964 г. и изданной ею в 1988 г. переписки Фонтане и Вольфзона, а также вышеназванного сборника «Theodor Fontane und Wilhelm Wolfsohn — eine interkulturelle Beziehung: Briefe, Dokumente, Reflexionen» (Tübingen, 2006), главными источниками сведений о жизни и творчестве Вольфзона для нашей работы являлись: *Schultze Ch. Wolfsohn, Wilhelm // Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945: Ein biographisches Lexikon / Hsg. von Ernst Eichler. Bautzen, 1993. S. 445–446; Hexelschneider E. Wilhelm Wolfsohn: Ein jüdischer Kulturmittler zwischen Rußland und Deutschland // Dresdner Hefte. 1996. Bd. 14. H. 45. S. 58–62; Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns // Fontane und Wolfsohn 2006. S. 450–494; J<acob> H<erbert>. Wolfsohn, Carl Wilhelm // Deutsches Schriftstellerlexikon 1830–1880: Goedekes Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung — Fortführung / Bearbeitet von H. Jacob. 13 Bde. Berlin, 2012. Bd. VIII.2. S. 444–449. Следует назвать также две статьи, доступные в интернете:*

1) http://saebi.isgv.de/biografie/Karl_Wilhelm_Wolfsohn_%281820-1865%29;

2) [http://www.juden-in-mittelsachsen.de/shalom/dr_wilhelm_wolfsohn.html.](http://www.juden-in-mittelsachsen.de/shalom/dr_wilhelm_wolfsohn.html)

Вильгельм Вольфзон. Фотография.
Конец 1850-х — начало 1860-х гг. Из частной коллекции

отец был торговцем, переселившимся в Одессу из Харькова, а мать родом из Бродов, которые в то время являлись частью Австрийской империи. В родительском доме говорили на немецком языке, но, проведя детство и юность в Одессе, Вольфзон в совершенстве усвоил и русский язык, хотя позднее не раз утверждал, что не может надлежащим образом выразить свои мысли на другом языке, кроме немецкого.²⁵ Начальное

---

²⁵ По опубликованным К. Шульце письмам Вольфзона к разным русским корреспондентам можно судить о высоком уровне его владения русским языком. Тем не менее, посылая из Дрездена 22 июня н. ст. 1846 г. А. А. Краевскому статью о немецкой литературе, написанную им на русском языке для публикации в «Отечественных записках», Вольфзон просил извинить его за то, что, «как бы Вы ни поправляли

образование Вольфзон получил в реформированной еврейской школе, учрежденной педагогом Безалелем Штерном в 1826 году, где он воспитывался в духе еврейского просветительского движения «Хаскалы».²⁶ Вольфзон на всю жизнь остался верен идеям этого движения, призывавшего евреев к гуманистическому образованию и равноправному участию в гражданской и культурной жизни Европы.

В октябре 1837 года, получив официальное разрешение от еврейской общины Одессы — так как после высочайшего указа 1834 года получение подобных разрешений, выдававшихся на строго определенный срок, стало обязательным, — Вольфзон отправился на учебу в Лейпциг. В дневнике, который он начал вести уже после отъезда из России, мы встречаем признание, что из узкой среды еврейской общины его давно тянуло «в святую Германию, в ту чудесную и благословенную страну, которую я расписал себе самыми яркими красками своей опьяненной фантазии».²⁷ Хотя он записался на медицинский факультет Лейпцигского университета, Вольфзон уже в первый год обучения начал посещать лекции по литературе, истории и философии. В летний семестр 1839 года он попытался сосредоточить все свои усилия на медицине, но осенью решил бросить ее, так как «его мягкий характер, его чувствительные глаза, его нежная душа не могли привыкнуть к анатомическому театру и хирургической клинике».²⁸ С зимнего семестра 1839/40 года вплоть до окончания учебы три года спустя Вольфзон посещал лекции исключительно по гуманитарным наукам. В университетские годы Вольфзона произошло еще одно событие, имевшее важные последствия для его дальнейшей судьбы: в октябре 1840 года он обручился с Эмилией

странные и ошибочные мои конструкции и слова, все-таки, может быть, Вы не успеете изгладить все германизмы» (*Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 15). Три года спустя, в письме от 14 февраля н. ст. 1849 г. к редактору «Москвитянина» М. П. Погодину он признавался: «Очень приятно мне, что Вы позволяете мне писать по-немецки» (*Ibid.* Anlage 18). Вольфзон русский язык называл «языком родины» («Heimatsprache»), противопоставляя его немецкому, своему «родному языку» («Muttersprache»).

²⁶ О школе, в которой Вольфзон учился, см.: *Hofmeister A. Der Schulbesuch Wilhelm Wolfsohns im Odessa der 1830er Jahre // Fontane und Wolfsohn 2006. S. 293–308.* О «Хаскале» см.: *Dohrn V. «Freund in Odessa» — Das Dilemma des russländischen Maskil Wilhelm Wolfsohn // Ibid. S. 271–292.*

²⁷ Цит. по: *Fontane und Wolfsohn 2006. S. 137.* Подлинник по-нем.

²⁸ Из некролога Вольфзона, написанного его другом, египтологом Георгом Эберсом (Ebers) и опубликованного в «Über Land und Meer. Allgemeine Illustrierte Zeitung» в 1865 г. (№ 50. S. 798). Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken. S. 13.*

Гей (Emilie Geu), дочь столяра, в чьем доме он снимал комнату. Эмилия была лютеранкой, и отчасти из-за «иностранный» статуса Вольфзона, отчасти из-за законов, запрещавших во многих германских государствах браки между христианами и евреями, они лишь одиннадцать лет спустя смогли обвенчаться. Согласно воспоминаниям немецкого романиста Теодора Фонтане, который в юности дружил с Вольфзоном, обручению бедного студента с дочерью рабочего предшествовала тяжелая болезнь Вольфзона, за которым самоотверженно ухаживала Эмилия.²⁹ Таким образом, в жизни повторилась — правда, с иными вероисповеданиями и более счастливым концом — история любви еврейки Ребекки к Айвенго — и навеянная этим трогательным эпизодом из романа Вальтера Скотта судьба юной Сусанны в повести Тургенева «Не-счастливая».

Еще будучи студентом в Лейпциге — тогдашнем центре немецкой книготорговли, — Вольфзон начал свою литературную деятельность, надеясь на доходы, которыми он мог бы пополнить скудные средства, получаемые им из Одессы от родной семьи. Под псевдонимом «С. Lpp» в июне 1838 года в газете «Allgemeine Zeitung des Judenthums» появилась его первая статья, в которой он между прочим восторженно писал о России как о юной, многообещающей стране, а также о «благодетельной и благой» политике русского правительства по отношению к евреям.³⁰ Вольфзон здесь прежде всего имел в виду то обстоятельство, что в России евреи с высшим образованием могли поступить на государственную службу, между тем как в большей части германских государств, в том числе в Саксонии, такая служба была им запрещена. Приехав в Германию, Вольфзон, разумеется, не мог не почувствовать резкого контраста между высокими и гуманными идеями немецкого просвещения и законодательством, ограничивавшим права его единоверцев. Поэтому он благоговел перед памятью умершего в 1837 году поборника еврейской эмансипации и демократа Людвиг Бёрне, которому посвятил свой пер-

---

²⁹ См. главу IV в книге воспоминаний Фонтане «Von Zwanzig bis Dreißig» (Berlin, 1898). Беловая рукопись этой главы, которая была написана Фонтане в 1895 г., несколько пространнее печатной версии. Посвященный Вольфзону фрагмент в развернутом виде опубликован: Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn. S. 185–190. Далее ссылка на эту публикацию: *Fontane 1988*. Черновая рукопись этого текста также опубликована (с обозначением всех вычеркнутых мест): *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 250–254.

³⁰ Статья перепечатана: *Ibid.* S. 144–151. См. о ней также: *Schwan I.* Wilhelm Wolfsohn als Student in Leipzig: Zwischen Handelsstadt und «Herwegh-Klub» // *Ibid.* S. 313–314.

вый сборник стихов «Veilchen» («Фиалки»), вышедший — под псевдонимом «Carl Maien» — в 1840 году.

В этом сборнике мы встречаем первый известный перевод Вольфзона с русского — стихотворение В. А. Жуковского «Узник и бабочка». Об обстоятельствах, при которых он начал переводить стихи русских поэтов на немецкий язык — уже во втором своем сборнике стихов, «Sternbilder» («Созвездия»), появившемся в 1841 году, он поместил в виде приложения переводы нескольких стихотворений Державина, Ломоносова, Дмитриева, Батюшкова и Пушкина, — Вольфзон рассказал несколько лет спустя: «В Германии, земле обетованной моих отроческих и юношеских мечтаний, поэтическое творчество русского народа, который здесь так часто не понят и безосновательно обруган, не только не стало чужим для меня, но напротив — я с возрожденной, еще более горячей любовью приветствовал всякий талант, о появлении которого до меня доносилось известие с родины. Всякому, кто живет среди немцев, известно, какая бездонная пропасть открывается перед человеком, интересующимся русским языком и оторванным от русской духовной жизни. Здесь можно даже отыскать русские типографские шрифты, но стоящие книги можно обнаружить лишь в некоторых личных библиотеках. В таком отдалении от русской культуры долгое время прожил и я. Бывало, я как чему-то редкому радовался русским буквам на вывеске, даже когда они встречались в таком небольшом количестве, как в многозначительном слове „Портной“ и других подобных. В то время я по памяти перевел несколько стихотворений Державина и Жуковского и ждал более благоприятной поры, чтобы перевести что-то еще. Такая пора настала, наконец, благодаря ряду знакомств, которые мне удалось завязать и которые дали мне возможность заниматься русской словесностью все больше и больше, а вскоре и посвятить ей все время».³¹

Помимо нескольких проживавших в Лейпциге и других немецких городах обеспеченных соотечественников, снабжавших его русскими книгами и журналами, под «знакомствами», которые способствовали ему в занятиях русской литературой, Вольфзон в приведенном отрывке

---

³¹ Из предисловия к диссертации Вольфзона: *Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Auserwähltes aus den Werken der vorzüglichsten russischen Poeten und Prosaisten älterer und neuerer Zeit, ins Deutsche übertragen und mit historisch-kritischer Übersicht, biographischen Notizen und Anmerkungen begleitet von C. Wilhelm Wolfsohn. Leipzig, 1843. Bd. 1. S. XII.* Цит. по: *Schwan I. Wilhelm Wolfsohn als Student in Leipzig: Zwischen Handelsstadt und «Herwegh-Klub».* S. 322. См. также: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken.* S. 17–18.

из предисловия к его диссертации «Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen» («Художественно-научная литература русских»³²) подразумевал в том числе и филолога Яна Петра Йордана. По происхождению серб-лужичанин, Йордан был всего на год старше Вольфзона, а осенью 1842 года он стал первым доцентом славянских языков при Лейпцигском университете — правда, без права на жалованье. Именно в это время Вольфзон, поощряемый Йорданом, начал работать над антологией русской литературы, которая должна была включать в себя и «переводы наиболее значительных памятников русской словесности»,³³ и историко-критические очерки. Первый том вышел в Лейпциге в марте 1843 года, став первой книгой, опубликованной под настоящим именем Вольфзона. Эта работа была принята профессорами философского факультета — с некоторыми оговорками по поводу не совсем научного подхода — в качестве диссертации на соискание докторской степени, которая была присуждена Вольфзону 2 апреля н. ст. 1843 года. Таким образом он стал вторым после Йордана доктором философии Лейпцигского университета, защитившим диссертацию на славяноведческую тему.

Антология «Художественно-научная литература русских» была рассчитана на четыре тома (т. 1: Лирическая поэзия; т. 2: Эпическая, дидактическая и драматическая поэзия; т. 3 и 4: Проза), но Вольфзон выпустил только первый том. Материалами, собранными для остальных томов, он частично воспользовался в изданных им позднее собраниях русских повестей и рассказов на немецком языке. Хотя современные ученые не склонны придавать особую ценность историко-критической стороне работы Вольфзона, помещенные в антологии переводы «Слова о полку Игореве», более шестидесяти народных песен и шести древнерусских былин³⁴ свидетельствуют о его значительном переводческом даровании.³⁵ В комментариях Вольфзон постарался между прочим рассеять односторонние представления многих образованных немцев о России как стране кнута и холода, а также их предрассудки относительно

---

³² Мы позаимствовали перевод ее заглавия из статьи А. Б. Ботниковой: Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.). С. 119.

³³ Там же.

³⁴ См. полный перечень этих переводов в отличной библиографии сочинений Вольфзона, составленной И. Шваном: *Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns*. S. 485–487. № 7.3.1.1.1–38.

³⁵ См.: *Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1849*. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 520.

Теодор Фонтане. Рисунок карандашом. Лондон, 1844 г.

якобы холопского характера ее народа. Будущий переводчик стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья...» подчеркнул здесь «die sonst schöne Seele dieses hartgeprüften Volkes» («все-таки прекрасную душу этого многострадального народа»). Мимоходом Вольфзон также высказался против «лишенных всякой поэзии и энтузиазма» произведений Ф. В. Булгарина, которые тогда были довольно широко распространены в Германии. В отместку «Северная пчела» несколько раз в течение 1843 года обрушилась на его книгу. Как верно замечает К. Шульце, то обстоятельство, что Вольфзон стал мишенью для нападок одиозной газеты Булгарина, послужило ему прекрасной рекомендацией в глазах сотрудников «Отечественных записок», с которыми он познакомился в Петербурге в ноябре 1845 года.³⁶

Одной из отличительных черт характера Вольфзона была его способность к преданной дружбе, и здесь следует остановиться на его отношениях с Теодором Фонтане, так как они наглядно иллюстрируют стремление Вольфзона приобщить других к столь дорогой ему русской литературе. Познакомились они в конце лета 1841 года в Лейпциге, куда

---

³⁶ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 28.

Фонтане приехал в марте, чтобы проработать полтора года в аптеке. Недовольный ремеслом, которое в те годы давало ему насущный хлеб, молодой начинающий поэт, естественно, искал общества литераторов и в саксонской столице и вскоре стал вхож в кружок, возникший вокруг революционно-демократического поэта Георга Гервега. Пятьдесят лет спустя в своих воспоминаниях Фонтане назовет его «клубом Гервега». В этом кружке 21-летний Вольфзон, тогда еще студент Лейпцигского университета, играл видную роль. Предоставим слово старому Фонтане: «Его областью была вся художественная литература, немецкая, французская, русская. Россия, когда он читал нам лекции, всегда оказывалась на первом месте, и я говорил себе: „Запомни это; ты можешь ждать еще столетия, пока тебе снова, как на блюдечке, преподнесут русскую литературу“. В своем восхищении я зашел так далеко, что начал учиться у него русскому языку».³⁷

Хотя уже после второго урока Вольфзон отговорил Фонтане от дальнейших занятий этим слишком трудным для него языком, молодой поэт все-таки оказался благодарным учеником своего нового друга: «Итак, с русским языком ничего не вышло, но русскую литературу я не оставил и, начав со старого Державина, затем перейдя к Карамзину и Жуковскому, мы прошли тогда еще здравствовавших или недавно ушедших поэтов — Пушкина, Лермонтова, Павлова, Гоголя. Большая часть из того, о чем рассказывал Вольфзон, прочно засела в моей голове, особенно что касается трех последних³⁸ (Лермонтов же стал моим любимцем), и, хотя дело не дошло дальше первого знакомства, в любом случае, на своем веку я не встречал больше никого, за исключением Боденштедта, кто знал бы хоть десятую долю того, что узнал я, зато встречал многих, чьи знания сильно уступали моим. Кто был знаком с Тургеневым, часто довольствовался этим».³⁹

---

³⁷ *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. в русском переводе по: *Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.)*. С. 117.

³⁸ В печатной версии воспоминаний Фонтане вычеркнул имя Н. Ф. Павлова, из чего можно заключить, что под «тремя последними» он имел в виду Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

³⁹ «Also mit der russischen Sprache war es nichts, in bezug auf russische Literatur jedoch ließ ich nicht wieder los, und von Dershawin an, über Karamsin und Shukowski fort, zogen die damals noch lebenden oder doch erst jüngst gestorbenen Dichter: Puschkin, Lermontow, Pawlow, Gogol an mir vorüber. Ein ganz Teil von dem, was mir Wolfsohn damals vortrug, ist sitzengeblieben, am meisten von den drei Letztgenannten (Lermontow war mein besondrer Liebling), und jedenfalls, so sehr alles nur ein Kosthäppchen

В своих воспоминаниях Фонтане отметил также, что Вольфзон был очень ему предан — более, чем он того заслуживал — и что впоследствии он не раз доказал свою преданность.⁴⁰ Вольфзон действительно всячески поддерживал Фонтане, нередко помогая нуждавшемуся поэту найти издателей для его сочинений или какую-нибудь журнальную работу, неизменно способствовал популяризации его лирического таланта, в том числе в лекциях о немецкой литературе, которые читал в России. Что касается Фонтане, то он не всегда мог отплатить Вольфзону тем же. Порой он даже долго не отвечал на письма друга, над «сентиментальностью» которого зачастую подтрунивал, и в целом вел себя довольно эгоистически по отношению к Вольфзону, который не менее его испытывал нужду и вдобавок имел другие, более серьезные жизненные проблемы в 1840-е годы (неопределенный статус иностранца-еврея в Германии, невозможность жениться и т. д.).

Как верно заметила Итта Шедлецки, в образе милого аптекаря-чудака португальского происхождения Алонзо Гизгюблера (Alonzo Gieshübler) Фонтане в одном из лучших своих романов — «Effi Briest» («Эффи Брист»; 1894–1895) — воздвигнул памятник давно почившему другу.⁴¹ Преданность Гизгюблера молодой героине в романе, над которым Фонтане работал в то же время, что и над воспоминаниями о юношеском пребывании в Лейпциге, напоминает Вольфзона. Старомодная учтивость Алонзо, его пристрастие к искусствам, наконец его «космополитизм» также навеяны Вольфзоном, в характеристике которого Фонтане в своих мемуарах выделял «изысканные манеры», тягу к «литературной и артистической жизни» и прежде всего к «международному общению».⁴² В том, что одна Эффи способна по-настоящему оценить доброту Гизгюблера, между тем как другие персонажи романа добродушно смеются над горбатым «эстетом» («Schönggeist»), чувствуется, пожалуй, тайный укор старого Фонтане, обращенный к себе самому.

Вернемся, однако, к хронологическому изложению событий жизни Вольфзона. Как установила К. Шульце, в октябре 1842 года Вольфзон,

---

war, so bin ich doch auf meinem Lebensgange, Bodenstedt abgerechnet, keinem begegnet, der auch nur den zehnten Teil davon gewußt hätte, vielen aber, die weit dahinter zurückblieben. Wer seinen Turgenjew kannte, der war befriedigt» (*Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по публикации белой рукописи: *Fontane 1988*. S. 188).

⁴⁰ *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по: *Fontane 1988*. S. 188.

⁴¹ *Shedletzky I. «Des Juden Waffe»: Wilhelm Wolfsohns literarisches Werk im Kontext der deutsch-jüdischen Literatur des 19. Jahrhunderts // Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 412–414.

⁴² Ср.: *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по: *Fontane 1988*. S. 188, 190.

который в Германии пользовался каждым представлявшимся случаем пообщаться с соотечественниками на русском языке, отправился из Лейпцига в Дрезден, чтобы познакомиться с Михаилом и Павлом Бакуниными.⁴³ Поскольку Тургенев в то время (с конца сентября до первых дней ноября 1842 г.) также находился в Дрездене вместе с братьями Бакуниными, не исключено, что Вольфзон уже тогда познакомился с ним,⁴⁴ то есть за девятнадцать лет до их единственной документально зафиксированной встречи (в Петербурге в мае 1861 г.). Не исключено, что тогда же Вольфзон ознакомился и с рукописью статьи М. А. Бакунина «Die Reaction in Deutschland» («Реакция в Германии»), которая была написана на немецком языке и появилась в октябре 1842 года в журнале «Deutsche Jahrbücher». Если Вольфзон тогда прочел эту статью, он, несомненно, вспомнил ее знаменитую заключительную фразу: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть»,⁴⁵ когда вновь встретился с Бакуниным в Лейпциге шесть лет спустя при более драматических обстоятельствах.

Летом 1843 года, вскоре после присуждения ему докторской степени Лейпцигского университета, Вольфзону пришлось вернуться в Россию, так как он уже давно превысил положенный для недворян срок пребывания за границей (три года). То обстоятельство, что его диссертация была посвящена министру народного просвещения С. С. Уварову, и вообще «патриотический» характер этой работы, по всей видимости, способствовали тому, что власти закрыли глаза на незаконную задержку Вольфзона.⁴⁶ Возвращение на родину, однако, оказалось тяжелым для Вольфзона, так как, с одной стороны, он был вынужден расстаться на неопределенное время с невестой и со своими немецкими друзьями — прежде всего с Фонтане, — а с другой, ему уже было трудно прижиться в Одессе. Ортодоксальный иудаизм, исповедовавшийся в его родном доме, как и меркантильный дух «Южной Пальмиры» были одинаково чужды выпускнику Лейпцигского университета.⁴⁷ Фонтане знал о сомнениях Вольфзона по поводу возможности в дальнейшем жить и работать в России. Так, в начале 1844 года он написал стихотворение «Einem Freunde in Odessa» («Одному другу в Одессе»), в котором увещевал

⁴³ См.: *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по: *Fontane 1988*. S. 22–23.

⁴⁴ За указание на эти обстоятельства благодарю В. А. Лукину.

⁴⁵ *Бакунин М. А. Собр. соч. и писем*: В 4 т. М., 1934–1935. Т. 3. С. 148.

⁴⁶ См.: *Schwan I. Wilhelm Wolfsohn als Student in Leipzig: Zwischen Handelsstadt und «Herwegh-Klub»*. S. 321.

⁴⁷ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 41.

Вольфзона переселиться в Германию навсегда, так как ему не было места в стране, где «население делится на шпионов, рабов и тиранов» («das Volk sich in Spione, Sklaven und Tyrannen teilt»)⁴⁸

Раскрыв свой лекторский дар на собраниях «клуба Гервега» в Лейпциге, Вольфзон выступал впоследствии в Одессе с лекциями о немецкой литературе, которые привлекали многочисленную публику. Намереваясь собрать материалы для продолжения антологии «Художественно-научная литература русских», в мае 1844 года он приехал в Москву, где задержался почти на полтора года. Как подчеркивает К. Шульце, пребывание Вольфзона в древней столице (а также менее продолжительное пребывание в Петербурге в ноябре 1845 г.) совпало с важным этапом в истории развития русской интеллигенции, когда разрыв между западниками и славянофилами уже совершился и он имел возможность завязать личные отношения с представителями обоих лагерей.⁴⁹

Через посредство Н. А. Мельгунова, с которым он познакомился еще в Лейпциге, Вольфзон стал вхож во многие московские дома, в том числе — издателя «Москвитянина» М. П. Погодина, С. П. Шевырева, князя П. А. Вяземского (покровительство последнего восемнадцать лет спустя пригодились Вольфзону в хлопотах по созданию журнала «Russische Revue»), Н. Ф. Павлова и его жены Каролины, салон которой посещали и славянофилы, и западники.⁵⁰ В Каролине Павловой, дочери обрусевшего немца, Вольфзон нашел искреннее сочувствие своему стремлению приблизить немецких читателей к русской литературе. Так, в мае 1845 года они совместно перевели на немецкий язык стихотворение А. А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...».⁵¹ Впоследствии она жила по соседству с Вольфзоном в Дрездене и сотрудничала в «Russische Revue».

---

⁴⁸ Опасаясь перлюстрации, Фонтане не мог послать эти стихи в Россию, но в письме к Вольфзону от 29 февраля н. ст. 1844 г. упомянул, что вскоре в одной немецкой газете появится обращенное к нему стихотворение. Однако оно так и не было опубликовано при жизни Фонтане. См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 3. Текст стихотворения, в котором одно место — «des Upas gift'ger Duft» («ядовитый аромат анчара») — позволяет сделать вывод о знакомстве Фонтане (через посредство Вольфзона?) с пушкинским «Анчаром» (1828), см. также: *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn*. S. 175–176; *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 20–21.

⁴⁹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 46.

⁵⁰ См.: *Ibid.* С. 47–48.

⁵¹ См.: *Göpfert F. Wilhelm Wolfsohn als Mittler zwischen russischer und deutscher Literatur aus heutiger Sicht // Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 329–330.

Из всех новых московских знакомых, однако, самое сильное впечатление произвел на Вольфзона историк Т. Н. Грановский,⁵² чья тонкая душа была сродни его собственной. Как писал не без иронии Фонтане, Вольфзон был за «примирение и эвфемизмы, лишь бы избежать острых углов» («Ausgleich, Umkleidung, nur keine Kanten und Ecken».⁵³ По-видимому, именно благодаря Грановскому Вольфзон познакомился также с А. И. Герценом и получил место домашнего учителя в семье Чичериных (с января по август 1845 г.). Будущий юрист и общественный деятель Б. Н. Чичерин в письмах к отцу очень положительно писал о новом учителе, который должен был подготовить его с братом к вступительным экзаменам в университет по латыни, немецкому языку и немецкой литературе, а в воспоминаниях, написанных много лет спустя, представил Вольфзона в смешном виде, указывая на его якобы поверхностные познания.⁵⁴ Свою преподавательскую работу у Чичериных Вольфзон вначале совмещал с публичными лекциями о немецкой литературе в Москве, об успехе которых трудно судить по предвзятым мемуарам Чичерина.

Эти занятия, конечно, не могли служить прочной основой к существованию, а были лишь временным источником дохода, пока Вольфзон собирал материалы, необходимые ему для задуманных последующих томов «Художественно-научной литературы русских». Саму антологию он хотел завершить по возвращении в Германию, так как, по-видимому, уже пришел к выводу, что дальнейших перспектив для проживания в России у него нет. Правда, в августе 1844 года благодаря хлопотам С. П. Шевырева Московский университет предложил ему место профессора немецкой литературы, но он отказался из-за того, что профессура была связана с необходимостью принятия православной веры, а Вольфзон, отправившись впервые за границу в октябре 1837 года, поклялся отцу, что никогда не переменит вероисповедания.⁵⁵

---

⁵² См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 49.

⁵³ *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по: *Fontane 1988*. S. 187.

⁵⁴ См.: *Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов / Вступит. ст. и коммент. Т. Ф. Пирожковой. М., 1997. С. 23–24. Письма 16-летнего Б. Н. Чичерина к отцу о Вольфзоне опубликованы полностью: Aus Wolfsohns Leben und Wirken. Anlage 8, 9. К. Шульце намекает на то, что нелицеприятная характеристика Вольфзона в более поздних воспоминаниях Чичерина, возможно, объясняется тем, что Чичерин подсознательно сравнивал его со своим другим домашним учителем — Грановским. См.: *Ibid*. S. 51.*

⁵⁵ См.: *Ibid*; *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn / Hsg. von Wilhelm Wolters. Berlin, 1910. S. 6.*

Ein Lied von A. Feth.
 (Aus dem Amer. Sammeln Mai 1845)

Ich zieh fort auf meine Wege,
 Und steh' mit Wasser in der Hand,
 Das Gurgel ungezügelt kühlt,
 Das Gurgel ungezügelt kühlt.

So steh' ich liebend für mich wieder,
 Und steh' in Hand mit mir absehn,
 Und steh' mit mir, so ein Lied,
 Und steh' gleich, die manneband ziehn.

Was ich auf diesen Planeten geschrieben,
 In Wolkenwägen, bescheiden,
 Und steh' ich in den Gurgelwägen,
 Und steh' ich in den Gurgelwägen.

Стихотворение А. А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...»
 в переводе на немецкий язык В. Вольфсона и К. Павловой. Май 1845 г.
 Первая страница

Как уже отмечалось, «патриотический» характер проекта Вольфзона, стремившегося к тому, чтобы повысить репутацию русской литературы в Германии, не мог не расположить власти в его пользу. Поэтому не удивительно, что они разрешили ему снова отправиться за границу. Прежде чем вернуться в Лейпциг, Вольфзон в ноябре 1845 года остановился на несколько недель в Петербурге, чтобы составить себе понятие о литературной жизни северной столицы. Тогда он познакомился с издателем «Отечественных записок» А. А. Краевским и с несколькими сотрудниками этого журнала — И. И. Панаевым, В. А. Соллогубом, А. Н. Майковым, В. Ф. Одоевским и В. Г. Белинским. О последнем Вольфзон через год в статье для одного немецкого журнала писал, что до Белинского «ни один русский не писал о своей родной литературе так умно и с такой живой искренностью».⁵⁶ Князь Одоевский пятнадцать лет спустя оказал деятельную помощь Вольфзону при создании «Russische Revue». В его доме Вольфзон стал свидетелем одного из ярчайших событий русской литературной жизни 1840-х годов, а именно восторженного приема, оказанного публикой роману Достоевского «Бедные люди», который в то время печатался в «Отечественных записках». Под свежим впечатлением от самого романа, в котором, несмотря на некоторые длинноты, он услышал «настоящую поэзию сердца» («wirkliche Poesie des Herzens»)⁵⁷ и значение которого сразу оценил, Вольфзон, уже в Лейпциге, перевел фрагмент из него — «Дневник Вареньки». В конце 1846 года или начале 1847 года этот отрывок был напечатан в до сих пор не установленной немецкой газете, а в 1863 году Вольфзон включил его в очерк о Достоевском, который сопровождал выполненный им перевод четырех глав «Записок из Мертвого дома», напечатанный в «Russische Revue».⁵⁸

---

⁵⁶ Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft. 1846. H. 11/12. S. 445. Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 249. А. Б. Ботникова называет этот раздел статьи Вольфзона «первой развернутой характеристикой деятельности Белинского, появившейся на немецком языке» (Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.). С. 119).

⁵⁷ *W<olfsohn> W<ilhelm>*. Theodor Dostojewsky und seine sibirischen Memoiren // *Russische Revue*. 1863. Bd. 1. H. 2. [Februar]. S. 143.

⁵⁸ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 204. Перевод Вольфзона, однако, не был первым: в конце сентября ст. ст. (начале октября н. ст.) 1846 г. в «St. Petersburgische Zeitung» появился перевод того же фрагмента, осуществленный Фердинандом Лёве (Löwe) (№ 212–217). См. об этом: *Schultze Ch. Die Erstübersetzung von F. M. Dostoevskijs Roman «Бедные люди» in deutschsprachigen Publikationsorganen // Zeitschrift für Slawistik*. 1981. Bd. 26. H. 6. S. 864–873.

Подытоживая результаты пребывания Вольфсона в Москве и Петербурге с мая 1844 года по ноябрь 1845 года, К. Шульце справедливо отмечает, что здесь было положено начало всей его дальнейшей деятельности как пропагандиста русской литературы в Германии.⁵⁹ Знакомство и тесное общение со многими литераторами и представителями двух главных лагерей русской интеллигенции — западничества и славянофильства — позволили впоследствии Вольфзону более объективно, по сравнению с другими его современниками в Германии, рассуждать о развитии русской литературы и о темах, волновавших ее.⁶⁰ Непосредственная близость к «пульсу» русской общественной жизни, между прочим, является дополнительным фактором, объясняющим решение Вольфсона перевести роман Тургенева «Отцы и дети».

Если в начале своей переводческой деятельности Вольфзон занимался почти исключительно поэзией, то, вернувшись в Лейпциг в конце 1845 года, он стал обращаться преимущественно к прозе. Так, вскоре он перевел повести Гоголя «Страшная месть» и «Майская ночь», которые первоначально, как и перевод повести Пушкина «Капитанская дочка», должны были войти в задуманное им продолжение антологии. Однако из-за необходимости заработать деньги в 1846 и 1847 годах он поместил переводы небольших по размеру произведений (повестей Гоголя и Н. Ф. Павлова) в немецких газетах, откуда они потом перешли в изданное Брокгаузом трехтомное собрание «*Rußlands Novellendichter*» (Leipzig, 1848–1851).⁶¹ Как и в антологии-диссертации Вольфзона, переводы в этом собрании сопровождались обстоятельными биографическо-критическими очерками о представленных им русских авторах.

Накануне отъезда Вольфзона из России, благодаря ходатайству четы Павловых и Н. А. Мельгунова, М. П. Погодин и А. А. Краевский выплатили ему вперед как человеку, по словам Мельгунова, «весьма и весьма нуждающемуся»⁶² деньги за статьи, которые тот должен был написать в Германии для «Москвитянина» и «Отечественных записок». Склонный к перфекционизму, Вольфзон, однако, медлил с составлением

---

⁵⁹ *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 54.

⁶⁰ См.: *Ibid.* S. 55–56.

⁶¹ В первый том (1848) были включены его переводы повестей Е. А. Ган «Джеллаледдин» и «Утбалла» и повести Пушкина «Капитанская дочка», во второй (вышедший также в 1848 г.) — повестей Н. Ф. Павлова «Маскарад», «Именины», «Миллион» и «Ятаган», а в третий (1851) — романа Герцена «Кто виноват?».

⁶² Из письма Н. А. Мельгунова к М. П. Погодину, написанного в конце октября 1845 г. Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 12.

большой статьи о Вольфраме фон Эшенбахе для журнала Краевского, и она так и не была напечатана. Из по меньшей мере шести статей, посланных им Краевскому, лишь одна появилась в «Отечественных записках», а именно написанные Вольфзоном на русском языке «Литературные заметки из Германии».⁶³ Публичные лекции, по-видимому, являлись для Вольфзона более надежным источником дохода, и с февраля по май 1846 года он читал в Дрездене курс средневековой немецкой поэзии, а с ноября 1846 года по февраль 1847 года в Лейпциге — лекции о Лессинге и Шиллере.

Вольфзон выступал с лекциями о немецкой литературе и в Берлине, где пребывал с января по март 1848 года. Тогда же он имел возможность общаться не только с другом юности Фонтане, но и с К.-А. Фарнгагеном фон Энзе — автором одних из самых первых статей о Пушкине и Лермонтове в немецкой прессе. Невольно став свидетелем революционных событий марта 1848 года, Вольфзон, судя по некоторым фрагментам статьи, появившейся в «Москвитянине» год спустя,⁶⁴ принимал близко к сердцу страдания берлинских рабочих и ремесленников, чье восстание было жестоко подавлено прусской армией, но, как подчеркивает К. Шульце, ни тогда, ни впоследствии не был сторонником насильственных переворотов.⁶⁵ Несмотря на свою веру в «шиллеровские» идеалы свободы и прогресса и на свое сочувствие идее объединенной Германии, он неизменно держался в стороне от политики.

Тем не менее революция неожиданно вторглась в жизнь Вольфзона, когда ночью с 28 сентября (10 октября) на 29 сентября (11 октября) 1848 года М. А. Бакунин постучал в дверь его квартиры в Лейпциге.⁶⁶ О том, что тогда произошло между ними, Вольфзон много лет спустя рассказал двум русским знакомым. Приведем сначала изложение этой встречи в дневнике А. В. Никитенко: «Рассказал мне анекдот о Бакунине, когда тот бушевал в Лейпциге, в 1848 г. Бакунин находился в большой опасности; его преследовали, и если б он был пойман, то его расстреляли бы. Спасаясь от преследователей, Бакунин явился к Вольфзону и

---

⁶³ См.: ОЗ. 1846. № 8. Перепечатано: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 63, Anlage 43.

⁶⁴ *W<olfsohn>*. Заграничная хроника (Письмо лейпцигского корреспондента, от 14 февр. н. с.) // *Москвитянин*. 1849. № 5. Март. Отд. V: Разные известия. С. 7–13. Это одна из двух статей Вольфзона, которые появились в этом журнале. Перепечатано: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 44.

⁶⁵ См.: *Ibid.* S. 70.

⁶⁶ О точной датировке этой встречи см.: *Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1849*. S. 352–353.

просил у него убежища на ночь. Вольфсон скрыл его у себя. В следующее утро на прощанье Бакунин сказал ему: „Ты оказал мне услугу, поэтому предупреждаю тебя: если наша возьмет верх — не попадайся мне: повешу или расстреляю“. Во время резни в Дрездене в том же году Бакунин, по словам того же Вольфсона, направлял пушки на картинную галерею». ⁶⁷

О причинах такой, казалось бы, исполненной неблагодарности выходки Бакунина мы узнаем из более пространного пересказа В. Ф. Одоевского, с которым Вольфсон встретился в Петербурге в марте 1861 года: «Вольфсон рассказывал мне, что он было принялся увещевать Бакунина отстать от той нелепой партии, где он ораторствовал в Саксонии. Бакунин благодарил его, но напомнил ему сказку Пугачева в „Капитанской дочке“ и прибавил, что в случае, когда у него будет власть — он его непременно повесит, ибо находит, что такие либеральные филантропы с добрым и благородным сердцем всего более портят *их* дело; что дело социальное принадлежит не одному поколению, но двум, из коих одно должно все существующее разрушить, а другое устроить; что первое и не знает и не хочет знать, *чем* должно заменить старое; что его дело есть лишь *разрушить*». ⁶⁸

Итак, именно «аполитичность» Вольфсона оказалась Бакунину не по вкусу и побудила его к «пугачевской» угрозе в адрес спасителя. Когда Вольфсон в приобретенном им весной 1863 года экземпляре «Отцов и детей» читал реплики Базарова в знаменитом споре с Павлом Петровичем Кирсановым в главе X и затем его же прощальные слова Аркадию в главе XXVI: «Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может <...>», он не мог не вспомнить о своей знаменательной встрече с Бакуниным в ту октябрьскую ночь 1848 года. Судя по вышеприведенной выдержке из дневника А. В. Никитенко, Вольфсон поверил в правдивость истории, согласно которой во время восстания в Дрездене в мае 1849 года Бакунин намеревался вывесить на баррикадах «Сикстинскую Мадонну» и другие картины из Дрезденской галереи, чтобы помешать прусским солдатам обстреливать повстанцев. ⁶⁹ Тем не менее «либеральный филантроп» Вольфсон

---

⁶⁷ Никитенко. Т. 2. С. 285–286. Запись от 20 июня н. ст. 1862 г.

⁶⁸ «Текущая хроника и особые происшествия»: Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. / Вступит. ст. Б. Козьмина, ред. текста и предисл. М. Брискмана // ЛН. Т. 22–24. С. 130. Запись от 3 (15) марта 1861 г.

⁶⁹ См. об этой истории: *Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1849. S. 543–544.*

сумел по достоинству оценить столь несхожий с его собственным характер Бакунина. В разговоре с Фарнгагеном фон Энзе, состоявшемся в Берлине в октябре 1850 года, он подчеркнул «героическую храбрость и благородство души», проявленные Бакуниным во время заключения в крепости Кёнигштейн.⁷⁰ Опыт общения с настоящим бунтовщиком впоследствии позволил Вольфзону во многом лучше других понять сложное отношение Тургенева к Базарову.

Революционные события, потрясшие Европу в 1848–1849 годах, косвенно обрекли на неудачу возобновившиеся в начале 1849 года попытки Вольфзона стать постоянным заграничным сотрудником русских журналов. Лишь две из восьми корреспонденций, посланных им Погодину, были напечатаны в «Москвитянине», так как сообщения о любых, даже не имевших отношения к политике событиях в Европе вызывали подозрения царской цензуры.⁷¹ И хотя Краевский — которому Вольфзон летом 1849 года писал: «...я желал и желаю быть в литературных сношениях с Россией, а именно чрез Ваш журнал <...>»,⁷² — согласился ежемесячно помещать в «Отечественных записках» четыре его обзора французских и немецких книжных новинок, постановление русского правительства, согласно которому иностранные книги подлежали обязательному рассмотрению особым Комитетом цензуры, прежде чем их можно было рецензировать в русских журналах, разрушило эти планы.⁷³

Вольфзон продолжал между тем читать в Лейпциге публичные лекции по истории немецкой литературы, а зимой 1849/50 года — в Дрездене, где познакомился с драматургом Отто Людвигом, произведения которого стал активно пропагандировать. В свою очередь, пример Людвиг впоследствии побудил самого Вольфзона обратиться к драматургии.⁷⁴ К этой стороне его деятельности мы еще вернемся.

Во второй половине 1850 года Вольфзон впервые предпринял попытку издавать собственный журнал, став вместе с «левым» литератором Робертом Пруцом (Prutz) соредактором журнала «Deutsches Museum». С этим шагом он, очевидно, связывал надежды на прочное финансовое благополучие. Однако уже в сентябре 1851 года Вольфзон отказался от своего поста — отчасти из-за того, что не смог убедить Пруца при-

---

⁷⁰ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 76.

⁷¹ См.: *Ibid.* S. 78.

⁷² Цит. по: *Ibid.* Anlage 23. Письмо к А. А. Краевскому от 27 июля (8 августа) 1849 г.

⁷³ См.: *Ibid.* S. 79.

⁷⁴ См.: *Ibid.* S. 84.

гласить Фонтане в качестве берлинского корреспондента журнала, отчасти из-за опасений, что сам факт редактирования либерального журнала повлечет за собой немилость немецких — и русских — властей. Ведь Вольфзон оставался русским подданным, а срок действия его паспорта уже давно истек, что легко могло привести к неприятностям. К тому времени он уже неоднократно подавал прошение о подданстве в нескольких немецких государствах (в том числе в Саксонии), но каждый раз терпел неудачу, поскольку для этого требовалось свидетельство об эмиграции из России — документ, который Вольфзон из-за Указа 1834 года никак не мог получить. О его тяжелом положении «бездомного скитальца» свидетельствует письмо, которое он отправил Фарнгагену фон Энзе в конце 1850 года.⁷⁵ Вместе с тем, пытаясь получить германское подданство, он искренне писал А. А. Краевскому: «...я питал и питаю непреодолимое желание оставаться в какой-нибудь литературной связи с Россией, которую, Вы знаете, я искренно люблю и которой любить не перестану».⁷⁶

Нравственные страдания Вольфзона, связанные с его «скитальчеством», прекратились 13 декабря н. ст. 1851 года, когда муниципальные власти г. Дессау дали ему гражданство герцогства Ангальт-Дессау без предъявления свидетельства об эмиграции. Две недели спустя в столице этого маленького государства он смог наконец жениться на Эмилии Гей, на протяжении 11 лет остававшейся его невестой, так как браки между евреями и христианами стали возможны в Ангальт-Дессау с принятием новой конституции в 1848 году.⁷⁷

Новый 1852-й год не только принес Вольфзону долгожданное семейное счастье, но и стал своеобразной вехой, означавшей конец первой фазы его деятельности как переводчика и пропагандиста русской литературы в Германии. На протяжении истекшего года в Лейпциге вышли и последний том уже упомянутого трехтомного собрания «*Rußlands Novellendichter*» с переводом романа А. И. Герцена «Кто виноват?»,⁷⁸

---

⁷⁵ Пространные выдержки из письма к Фарнгагену фон Энзе от 19 (31) декабря 1850 г. см.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 88–89; *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn*. S. 231–232. Полностью письмо опубликовано: *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 247–248.

⁷⁶ Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 24. Письмо от 1 (13) февраля 1851 г.

⁷⁷ См.: *Ibid.* S. 91; *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. XII.

⁷⁸ Вольфзон снабдил этот перевод, над которым работал в 1847–1850 гг., предисловием, явившимся «первым подробным очерком о Герцене на немецком языке» (*Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.)*. С. 126).

и книга «Russisches Leben und Dichten», в которую вошли переводы повестей В. А. Соллогуба («Большой свет») и Н. В. Гоголя («Страшная месть», «Шинель» и «Старосветские помещики»).⁷⁹ В 1851 году в Дессау вышло также двухтомное собрание «Erzählungen aus Rußland», включавшее в себя переводы повестей Гоголя, Соллогуба, Одоевского и Елены Ган. После появления в 1852 году — опять-таки в Дессау — его анонимного перевода исторического романа И. И. Лажечникова «Последний новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого»⁸⁰ Вольфзон в течение десяти лет не брался за переводы русской художественной прозы.

Это, разумеется, не значит, что интерес Вольфзона к литературе отчизны охладел после того, как он стал немецким подданным. Напротив, узнав о смерти Гоголя, он сразу приступил к составлению некрологической статьи о великом писателе, которую в начале апреля 1852 года попытался поместить в газете «Augsburger Allgemeine Zeitung». Это ему не удалось — возможно, из-за того что некрологу предшествовал обзор развития русской литературы, в котором, как установила К. Шульце, в некоторой степени заметно влияние книги Герцена «О развитии революционных идей в России». Лишь в феврале 1853 года его статья-некролог появилась в лейпцигском журнале «Blätter für literarische Unterhaltung».⁸¹ С другой стороны, Вольфзон по какой-то причине не решился перевести повесть Герцена «Долг прежде всего», рукопись которой автор послал ему в октябре 1851 года.⁸² Раздраженный подобной нерешительностью, Герцен в письме к М. К. Рейхель назвал Вольфзона «сыном зайца», обыграв таким образом его фамилию (от нем. Wolfsohn — «сын волка») в каламбуре.⁸³

---

⁷⁹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 217. Переводы «Шинели» и «Старосветских помещиков» были в 1863–1864 гг. перепечатаны в «Russische Revue». Вольфзон в итоге перевел четыре повести Гоголя.

⁸⁰ Вдова Вольфзона в письме к старшему сыну поясняла, что его отец был не вполне доволен своим переводом этого романа и поэтому выпустил его анонимно, так же он поступил и в нескольких других случаях. См.: *Ibid.* S. 61. Anm. 4.

⁸¹ См.: *Ibid.* S. 222–223. В эту статью Вольфзон включил свой перевод стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». По мнению К. Шульце, это первый немецкий перевод, достойный подлинника, поскольку перевод Боденштедта, появившийся в ноябре 1852 г., она называет «более чем пошлым».

⁸² См. об этом: Ранняя редакция повести «Долг прежде всего» / Публ. Ю. Красовского // *ЛН*. Т. 61. С. 27–88.

⁸³ «Волчий сын — сын зайца, чего боится, сам не знает» (*Герцен*. Т. 25. С. 82). Письмо от 10 (22) июля 1853 г.

В провинциальном городке Дессау Вольфзон с женой прожили недолго. Уже в июне 1852 года они переселились в Дрезден, столицу Саксонии, где Вольфзон провел оставшиеся годы жизни. В ноябре 1852 года родился его старший сын Вильгельм, которого он, во избежание неприятностей, обязался окрестить по христианскому обряду и воспитывать в христианской школе. Так же он поступил и при рождении трех других своих детей. Старший сын Вольфзона Вильгельм впоследствии принял «немецкую» фамилию Вольтерс (Wolters) и под этим именем стал в 1880-е годы автором нескольких комедий, которые с успехом игрались в Дрездене.⁸⁴

В атмосфере насыщенной культурной жизни Дрездена — «Эльбской Флоренции», как называли город, — Вольфзон чувствовал себя как нельзя лучше. Там он общался с такими видными художниками, как скульптор Эрнст Ритшель (Rietschel), автор памятника Гёте и Шиллеру в Веймаре,⁸⁵ который около 1858 года по заказу М. К. Рейхель создал для Герцена бюст Т. Н. Грановского (ныне утрачен).⁸⁶ Близким другом Вольфзона стал Бертольд Ауэрбах, который до марта 1859 года жил по соседству, на одной с ним улице в Дрездене и с которым Вольфзон вел оживленную переписку после того, как с конца 1860 года знаменитый автор «Шварцвальдских деревенских рассказов» навсегда поселился в Берлине. Вместе с Ауэрбахом Вольфзон принял активное участие в основании Фонда Шиллера (Deutsche Schillerstiftung) в 1859 году, к столетию со дня рождения великого поэта.⁸⁷

Вольфзон и в Дрездене на протяжении 1850-х годов продолжал выступать с публичными лекциями о Гёте, Шиллере и Лессинге. Для научного фельетона газеты «Leipziger Zeitung» он составил больше пятидесяти «Писем о культуре» («Kulturbriefe»), из которых лишь три были посвящены русской литературе.⁸⁸ Тем не менее история и современная

---

⁸⁴ См. об этом: *Hexelschneider E.* Wilhelm Wolfsohn: Ein jüdischer Kulturmittler zwischen Rußland und Deutschland. S. 61. Вильгельм Вольтерс в 1910 г. осуществил первое издание переписки Фонтане со своим отцом.

⁸⁵ Ср. хвалебные слова Тургенева об этом памятнике в его статье «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре»: «А вот и двойная статуя, воздвигнутая Ритчелем „dem Dichter paar“ — поэтической чете, — статуя, по которой ваятели могут учиться, как *надо* делать... <...>» (*ИССУП(2)*). Соч. Т. 10. С. 299).

⁸⁶ Изображение этого бюста можно увидеть на фотографии 1870-х гг., воспроизведенной в «Литературном наследстве» (Т. 61. С. 569) и озаглавленной «Кабинет Огарева».

⁸⁷ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 154.

⁸⁸ См.: *Ibid.* S. 107. Anm. 1.

Бертольд Ауэрбах. Гравюра на меди по наброску Фр. Пехта. Около 1850 г.

жизнь России не переставали привлекать его внимание, о чем свидетельствует тематика двух первых из трех принадлежащих его перу и ныне забытых театральных пьес. Так, в первой из них — «Zar und Bürger» («Царь и бюргер») — он обратился к периоду европеизации России при Петре Великом. Благодаря хлопотам Отто Людвига эта пьеса была впервые поставлена в Карлсруэ в декабре 1853 года, а уже месяц спустя прошла и на дрезденской сцене.

Вторая пьеса Вольфсона — «Nur eine Seele» («Только одна душа») — являлась открыто тенденциозной драмой, направленной против крепостничества. По собственному признанию автора, образ славянофила Анатолия, который помогает спасти от гибели героя пьесы Александра Волинского — прогрессивного дворянина, отпустившего своих крестьян

на волю и женившегося на крепостной девушке Елене («одной душе» из заглавия пьесы), — был навеян К. С. Аксаковым, с которым Вольфзон познакомился в Москве в 1844 году.⁸⁹ Пьеса «Только одна душа», которую Вольфзон посвятил Фонтане,⁹⁰ начатая еще при Николае I, была закончена после вступления на престол Александра II. Ее ждал несомненный успех — впервые поставленная в Лейпциге в феврале 1855 года, она впоследствии прошла на сценах важнейших немецкоязычных театров (Берлин, Франкфурт-на-Одере, Кёльн, Прага, Данциг, Вена, Грац и Дрезден), что объясняется прежде всего искусственным «счастливым концом», в котором отразились надежды на нового императора.⁹¹ Если после заключительного представления в Лейпцигском городском театре в сентябре 1865 года, которое было устроено в пользу семьи недавно скончавшегося Вольфзона, пьеса «Только одна душа» совсем исчезла из репертуара немецких театров, то в России она, как доказала К. Шульце в своей диссертации, под другим заглавием — «Было да прошло» — постоянно шла на петербургской сцене на протяжении пятидесяти лет. Она ставилась преимущественно в память освобождения крестьян.⁹²

В своей третьей драме — «Die Osternacht» («Ночь на Пасху»), — премьера которой состоялась в Дрездене в феврале 1858 года, Вольфзон объявил борьбу другой несправедливости — вопиющему навету на евреев, будто бы убивавших христиан для использования их крови в своих религиозных ритуалах. После некоторой обработки эта пьеса была в 1862 году поставлена в Берлине и в Лейпциге, но была холодно принята публикой и не удержалась в репертуаре.⁹³

Хотя Вольфзон в 1850-е годы активно не занимался пропагандой современной русской литературы, он не терял ее из виду, так как, являясь одним из самых выдающихся представителей так называемой «русской

---

⁸⁹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 101.

⁹⁰ Посвящение гласит: «Meinem Freunde Theodor Fontane gewidmet» («Посвящается моему другу Теодору Фонтане»). См.: *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn*. S. 243.

⁹¹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 99.

⁹² В основу этой версии («Было да прошло. Комедия в 4-х актах, переделанная из пьесы Вольфзона „Nur eine Seele“ О. О. Новицким и В. И. Родиславским»; впервые поставлена в Александринском театре 11 (23) сентября 1863 г.) был положен русский перевод, осуществленный Оскаром Беккером и вышедший в Лейпциге в 1860 г. Об авторстве Вольфзона в России скоро забыли. См.: *Ibid.* S. 104–105.

⁹³ См.: *Ibid.* S. 94–95. Текст шести картин из этой пьесы см.: *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 225–246.

колонии» в Дрездене⁹⁴ и будучи гостеприимным по своей натуре, всегда держал дом открытым для многочисленных русских литераторов, посещавших саксонскую столицу. Так, в сентябре 1858 года, когда князь Одоевский, возвращаясь в Россию из Йены, где он был удостоен почетной степени доктора философии за педагогические заслуги, остановился в Дрездене, Вольфзон усердно заботился о нем.⁹⁵ Графа А. К. Толстого, который не раз проводил летние месяцы в Дрездене, Вольфзон познакомил с Бертольдом Ауэрбахом.⁹⁶ В 1859 году, с приездом Каролины Павловой, которая после развода с мужем навсегда переселилась в Дрезден, русская колония пополнилась еще одним центром притяжения для русских путешественников. Во фрагменте, озаглавленном «От Москвы до Дрездена», который К. Павлова написала в марте 1859 года и который ныне хранится в Рукописном отделе ИРЛИ, она самым лестным образом высказывалась о своем новом соседе: «Вольфзон, тот самый, который провел несколько лет в России, переводчик *par excellence* (по преимуществу — франц.). Я не знаю, кто бы мог лучше его перелить в форму немецкого языка стихи Пушкина и Лермонтова. Он мог бы составить себе имя одними своими переводами, если бы не составил себе имени иначе, а особенно успехом пьесы: „Nur eine Seele“, где картины русских нравов и крепостного состояния, на которые смотря, мы теперь, слава Богу, можем более, чем прежде faire bonne contenance (сохранять хладнокровие — франц.)».⁹⁷

Павлова тогда и не подозревала, что Вольфзон вскоре вернется к деятельности переводчика и пропагандиста русской литературы в Германии. По предположению Франка Гёпферта, мысль издавать немецкоязычный журнал о России пришла к Вольфзону во время бесед, которые он в январе 1860 года имел с И. С. Аксаковым в Дрездене, куда тот приехал в надежде найти переводчика для задуманного им сборника славя-

---

⁹⁴ О «русской колонии» в Дрездене см.: *Hexelschneider E. Wilhelm Wolfsohn und die russische Kolonie in Dresden // Fontane und Wolfsohn 2006. S. 338–343.*

⁹⁵ См. письмо Вольфзона к В. Ф. Одоевскому от 31 августа (12 сентября) 1858 г.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken. Anlage 30.*

⁹⁶ См. письмо А. К. Толстого к Ауэрбаху от 8 (20) марта 1863 г.: *Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 153.*

⁹⁷ Цит. по: *Файнштейн М. Ш. «Меня Вы назвали поэтом...»: Жизнь и литературное творчество К. К. Павловой в ретроспективе времени. Фихтенвальде, 2002. С. 79.* Указание на эту публикацию см.: *Hexelschneider E. Wilhelm Wolfsohn und die russische Kolonie in Dresden. S. 351.* На этот фрагмент воспоминаний К. К. Павловой ссылалась уже К. Шульце в своей диссертации. См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken. S. 108. Anm. 4.*

нофильских статей из русских журналов.⁹⁸ Прочитируем письмо Аксакова к семье, в котором отразилось положение Вольфзона накануне создания «Russische Revue»: «В Дрездене я виделся с Вольфзоном, тем самым, который когда-то жил в Москве и знаком с Константином; он с большим уважением и участием относится к Константину и просил передать, что хоть он и выставил его в своей комедии „Nur eine Seele“, но выставил так, что ты, Константин, можешь быть доволен, как самого либерального, честного и чистого человека, славянофила, штудировавшего в Германии и женившегося на крестьянке. Вольфзон говорит очень хорошо по-русски (он родился в Одессе), здесь занимает довольно видное место и издает от времени до времени переводы разных русских оригинальных произведений, которые можно добыть в Германии. Так как он незнаком почти с сочинениями Отесиньки, то я дал ему их прочесть с тем, чтобы он познакомил с ними настоящим образом немецкую публику. Он, кажется, в эстетическом отношении довольно развит и оценить способен, хотя отчасти. Мысли издать „Russische Ideen“ (заглавие задуманного сборника. — Л. С.) он вполне сочувствует и готов заняться переводом, только не раньше апреля месяца. Вообще здесь он известен под именем русофила, и сам меня уверял, что будущность принадлежит только русскому крестьянину, разумеется — женатому на *Deutsche Cultur und Bildung* (немецкой культуре и образовании — нем.). <...> Впрочем, он же мне рассказывал о равнодушии и о презрении немецкого ученого мира к русской духовной деятельности, и вообще о не любви к русским европейцев».⁹⁹

Будучи некрещеным евреем, Вольфзон, однако, в глазах Аксакова не вполне подходил в переводчики славянофильского сборника, и в конце концов ему удалось в Мюнхене завербовать самого известного в те годы переводчика с русского на немецкий — Фр. Боденштедта. Под заглавием «Russische Fragmente» этот сборник в переводе Боденштедта вышел в двух томах в Лейпциге в 1862 году.¹⁰⁰

Как уже отмечалось выше, около 1860 года, накануне эпохи «великих реформ» в России, у Вольфзона возникла мысль создать журнал,

⁹⁸ См.: *Göpfert F.* Wilhelm Wolfsohn als Mittler zwischen russischer und deutscher Literatur aus heutiger Sicht. S. 335.

⁹⁹ Цит. по: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: В 3 т. М., 2004. Т. 3. С. 40–41. Письмо к родным от 23 января (4 февраля) 1860 г.

¹⁰⁰ См.: *Thiergen P.* Wilhelm Heinrich Riehl in Rußland (1856–1886). Gießen, 1978. S. 218; *Hexelschneider E.* Wilhelm Wolfsohn und die russische Kolonie in Dresden. S. 355.

посредством которого можно было бы знакомить «равнодушную» или даже враждебно настроенную немецкую публику с успехами родной страны, в том числе с самыми последними достижениями в области литературы. Для небогатого человека осуществление подобной затеи было невысказано без финансовой поддержки, и Вольфзон за ней обратился, естественно, к русскому правительству, которое почти двадцать лет тому назад уже благосклонно отнеслось к его «пропагандистской» деятельности. С этой целью — а также чтобы по просьбе Ауэрбаха содействовать помещению перевода его романа «Edelweiß» в журнале «Современник» до появления немецкого отдельного издания¹⁰¹ — в начале 1861 года Вольфзон отправился в Россию. Будучи приглашенным на банкет в честь П. А. Вяземского, устроенный Академией наук 2 (14) марта 1861 года, Вольфзон получил возможность посвятить в свою затею таких влиятельных министров, как Евг. П. Ковалевский и П. А. Валуев. За него хлопотали также Вяземский и Одоевский, которые уже давно сочувственно следили за деятельностью Вольфзона в Германии. В упоминавшемся выше письме к Ковалевскому, написанном во время пребывания в Петербурге, он подробно изложил проект нового журнала: «...содержание его будет состоять из статей, кои бы давали вразумительное для западных читателей понятие о произведениях науки и художеств в России, о народных нравах, об общественных учреждениях и заведениях, о замечательных городах, людях и проч., но при сем будет строго исключено *все политическое*. Во всем, как в точке зрения, так и самом тоне, будет соблюдаема везде благородная независимость и неподкупность суждений, соединенные с нравственным и гуманным достоинством, умеренностию и надлежащею почтительностию. / Это предприятие тогда лишь только может иметь значение и влияние, если оно приобретет и заслужит доверие в Германии и если я не подам ни малейшего повода сомневаться в чистоте и искренности моих видов и в добросовестности моего направления. Лишь под сим условием я могу надеяться, что мой честный труд встретит честную и беспристрастную оценку, и тогда он не останется без благих последствий, так что журнал мой может сделаться истинным посредником между Россиею и Германиею».¹⁰²

Как мы увидим, говоря о необходимости «строго» исключить из журнала «все политическое», Вольфзон не без оснований опасался обвине-

---

¹⁰¹ О безуспешных попытках пристроить роман Ауэрбаха в «Современник», а также об участии Л. Н. Толстого, большого поклонника творчества немецкого писателя, см.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 163–170.

¹⁰² Цит. по: *Ibid.* Anlage 33. Письмо от 29 марта (10 апреля) 1861 г.

ний в том, что он является агентом русского правительства. Далее Вольфзон просил обеспечить его экземплярами всех ведущих официальных и частных журналов, издававшихся в России.

Прекрасно сознавая, что бюрократические жернова русского правительства вращаются медленно и что продвижение проекта потребует его личного присутствия в России, Вольфзон еще до отъезда из Дрездена, по-видимому, предполагал, что задержится в Петербурге. Он, однако, не сидел там сложа руки, использовав представившуюся возможность пополнить библиотеку русскими книгами. Кроме того, в течение апреля 1861 года он прочел в зале Бенардаки на Невском четыре публичные лекции — на русском языке — о драматических сочинениях Шиллера.¹⁰³ Немецкоязычная газета «St. Petersburger Zeitung» восторженно отозвалась об ораторском даре Вольфзона и о том, что он сумел прочесть двухчасовую лекцию свободно, без какого-либо конспекта. В середине мая ст. ст. 1861 года состоялась петербургская встреча Вольфзона и Тургенева, единственным подтверждением которой пока является упомянутая выше фотография Тургенева с дарственной надписью. По просьбе Ковалевского, 7 (19) мая 1861 года Вольфзон отправил в Министерство народного просвещения подробный список необходимых ему журналов и газет и объяснил, как их следовало пересылать в Дрезден.¹⁰⁴ О благоприятном результате хлопот Вольфзон узнал от самого Ковалевского восемь дней спустя. В приписке к прошению на имя Александра II о пособии для Вольфзона Ковалевский отметил: «Государю императору благоугодно было изъявить согласие на предложение доктора Вольфзона и повелеть производить ему пособие из Государственного Казначейства по три тысячи рублей ежегодно, пока правительство будет признавать нужным поддерживать предполагаемое Вольфзоном издание и доколе оно будет соответствовать его видам. 6 мая 1861 года, Царское Село».¹⁰⁵

Вернувшись в Дрезден, Вольфзон в августе 1861 года действительно получил сумму в 2835 талеров, которая соответствовала примерно 3000 рублей. За вычетом денег, которые шли на оплату заказанных статей и расходов по изданию журнала, на его долю, как замечает К. Шульце,

---

¹⁰³ См. письмо Ег. П. Ковалевского от 10 (22) марта 1861 г. к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа с просьбой разрешить Вольфзону выступить с чтением лекций: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 32. В. А. Лукиной удалось обнаружить в Рукописном отделе ИРЛИ письмо Вольфзона к П. А. Плетневу с приглашением на эту серию лекций (Ф. 234 (П. А. Плетнев). Оп. 3. № 127).

¹⁰⁴ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 34.

¹⁰⁵ Цит. по: *Ibid.* Anlage 35.

оставалось очень мало.¹⁰⁶ К тому же финансовая поддержка от русского правительства оказалась недолговременной. Новый министр народного просвещения Е. В. Путятин, который в июне 1861 года сменил Ковалевского, отказался доставлять Вольфзону требуемые журналы, так как это обошлось бы казне слишком дорого. Вольфзон был принужден 3 (15) сентября 1861 года разослать письма в редакции всех основных русских журналов с «покорнейшею просьбою немедленно выслать мне, в обмен на мое издание, один экземпляр всех номеров Вашего журнала, начиная с 1-го января текущего года, дабы я мог иметь пред глазами самый полный обзор всех произведений русской современной литературы».¹⁰⁷ Для некоторых современников, однако, одного факта, что Вольфзон стал получать денежное пособие от русского правительства, было достаточно, чтобы оклеветать его. Так, Л. П. Блюммер, бежавший в 1861 году в Берлин после студенческих волнений в Петербурге, в самом первом номере основанного им там русскоязычного журнала «Свободное слово» назвал «немецкого литератора Вольфзона» среди лиц, продавших свои услуги царскому правительству.¹⁰⁸

Если принять во внимание все затруднения, которые Вольфзону пришлось преодолеть, не удивительно, что первый номер журнала «Russische Revue» появился лишь в мае 1862 года. Исполняя одновременно должности издателя и редактора нового журнала, Вольфзон вынужден был как заботиться о материальной стороне дела, так и перечитать огромное количество русских периодических изданий, чтобы выбрать наиболее интересное, не говоря уже о собственной работе в виде статей и переводов. Лишь к концу 1863 года он счел возможным нанять помощника — некоего «молодого Эйнхорна».¹⁰⁹

Еще до появления «Russische Revue» в Германии выходили два периодических издания, ставивших себе целью информировать немецкого читателя о различных сторонах жизни России и других славянских стран, а именно — издававшийся Я. П. Йорданом в Лейпциге с 1843 по 1848 год журнал «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft», который был запрещен в России, а также выпускавшийся А. Эрманом в Берлине с 1841 года «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Rußland».¹¹⁰

---

¹⁰⁶ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 189.

¹⁰⁷ Цит. по: *Ibid.* Anlage 38.

¹⁰⁸ См.: *Ibid.* S. 184.

¹⁰⁹ Ср. письмо Вольфзона от 10 (22) октября 1863 г. к Б. Ауэрбаху, упомянутое К. Шульце: *Ibid.* Anlage 39. Anm. 9.

¹¹⁰ Об этих двух журналах см.: *Dornacher K.* Die Anfänge der Turgenew-Rezeption in Deutschland (1845–1854) // *Zeitschrift für Slawistik*. 1968. Bd. 13. H. 3. S. 449–452.

4

Докторъ Философіи
Вильгельмъ Вольфзонъ имѣетъ
честъ пригласитъ Ваше
Превосходительство удосто-
итъ Вашимиъ присутствіемъ
его четыре лекціи о Шиллере
(: 3^ю Апрѣля въ Понедѣльникъ,
6^ю Апрѣля въ Четвергъ, 10^ю Апри-
ля въ Понедѣльникъ, 13^ю
Апрѣля въ Четвергъ, въ 8^{мъ}
часовъ вечера, въ залѣ Сенар-
даки, что на Невскомъ про-
ектѣ.

Его Превосходительству
Петру Александровичу
Плетневу

Письмо В. Вольфзона к П. А. Плетневу с приглашением
на серию его лекций о Шиллере.
Петербург, конец марта ст. ст. 1861 г.

Журнал Вольфзона, однако, стал уникальным явлением в том смысле, что вся его «программа» была связана с надеждой на возрождение России, начатое отменой крепостного права в 1861 году. Для Вольфзона это было и личным делом, и делом общечеловеческого масштаба, как наглядно показывает его предисловие к первому номеру «Russische Revue»:

Внутреннее развитие России, которое при Александре II и особенно после завершения недавней войны получило чрезвычайно широкий размах, с эмансипацией крестьян вступает в новую и знаменательную эпоху. Лишь после снятия оков с миллионов людей, которые составляют на протяжении долгого времени погребенную, но не тронутую разложением и весьма жизнеспособную сердцевину русского народа, можно говорить о плодотворном и перспективном развитии нации. Царский манифест является первой подлинной основой национальной культуры в России — культуры, которая более не будет поддерживаться поверхностным и выборочным образом в качестве предмета роскоши, вроде оранжереи для привилегированных сословий, а оживит народный дух и даст возможность всем слоям гражданского общества принять участие в исполнении высших материальных и нравственных задач государства.

Чем более действия правительства и всех здравомыслящих патриотов сосредотачиваются на достижении этой цели — несмотря на всевозможные злоупотребления и промахи, — тем сильнее должна возрасти заинтересованность Европы в том, чтобы следить за движением интеллектуальной жизни и народного развития России и получать регулярные сведения о важнейших шагах в этом направлении. Такой интерес не может быть только политического свойства. Нет, тут заключается и моральный интерес — общечеловеческий интерес.

А раз речь заходит о печатном органе, занимающемся русской жизнью и служащем общечеловеческим интересам, где ему возникнуть, как не в Германии, на немецком языке, среди *той* нации, которая во всех частях старого и нового света доказала, что распространение самых возвышенных гуманных идей является ее благотворным и неотъемлемым призванием!

Именно этим убеждением руководствуется редактор настоящего издания. Он искренне признает, что в силу душевных и самых заветных представлений ощущает себя прежде всего немцем; внутренне сросшийся с немецкой народностью, он ничего не желает так сильно в политическом отношении, как укрепления силы и величия Германии. Однако он столь же искренне полагает, что любовь к русской земле, на которой он родился и особенности которой, прекрасные победы и неиссякаемую плодородность знает благодаря непредвзятому наблюдению и основательному изучению, уже в ранней юности заставила его поставить себе целью донести до немцев результаты своих наблюдений и исследований; чтобы здесь, на своей духовной родине, бороться с предубеждениями против страны, против народа, ложные понятия о котором тем более вопиюще несправедливы, что ему в вину ставятся грехи тех, от кого он терпел самые тяжкие страдания. <...>

Ничто не сможет лишить издателя уверенности в том, что над всеми заблуждениями, недоразумениями и бессмысленными беспорядками (имеются в виду студенческие и крестьянские волнения 1861 г. — Л. С.), с одной стороны, и над всеми реакционными поползновениями, с другой (которые на мгновение могут смутить

13
Dr. Wilhelm Wolfsohn,
Dresden,
Lindengasse 8.

Милостивый Государь,

Приступая въ самомъ непродолжительномъ времени къ изданію на нѣмецкомъ языкѣ журнала подѣ заглавіемъ

„Russische Revue,“

съ цѣлію ознакомить Германію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю Европу, съ значительнѣйшими явленіями умственнаго развитія Россіи, я обращаюсь къ Вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою немедленно выслать мнѣ, въ обмѣнъ на мое изданіе, одинъ экземпляръ всѣхъ номеровъ Вашего журнала, начиная съ 1-го Января текущаго года, дабы я могъ имѣть предѣ глазами самый полный обзоръ всѣхъ произведеній русской современной литературы.

Пріемъ посылокъ на мое имя и доставка ихъ за границу поручены мною придворному нѣмецкому книгопродавцу **Г. Шмицдорфу** (что на Невскомъ Проспектѣ, противъ Генеральнаго Штаба, въ домѣ Боссе № 5, въ С. Петербургѣ).

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть,

Милостивый Государь,

Дрезденъ, 15/3 сентября,
1861.

Вашимъ
покорнѣйшимъ слугою

Вильгельмъ Вольфзонъ,
докторъ философіи.

даже беспристрастного наблюдателя), в России однажды восторжествует дух доброты, любви и справедливости. Ничто не сможет лишить издателя этой уверенности, даже если она связана с устремлениями одного единственного человека, который по велению сердца, вопреки тем, кто пытался скорее напугать, чем поддержать его, проявил непоколебимую волю и высокую нравственную силу и, сломав вековые традиции, провозгласил для всех своих подданных столь непредсказуемое в своих последствиях право на самоопределение! Однако издатель, не принадлежа к льстецам монархов, основывая свою уверенность как на наличии в стране здравомыслящих людей, так и на государе, придерживается убеждения, что Россия ступила на путь прогресса, на путь свободы и законности, с которого ей, несмотря на все неизбежные злоупотребления и козни, уже никогда не свернуть.

В то время как Россия встала на этот путь, издатель считает своевременным предложить западноевропейской, в особенности немецкой публике наглядную демонстрацию того, каким образом складывается жизненный уклад новой России — не скрывая тех препятствий и заблуждений, которые не могут не возникнуть на этом пути.¹¹¹

Мы привели столь длинный отрывок из обращения Вольфзона к читателям «*Russische Revue*», чтобы дать более полное представление о его намерениях. Подчеркнутая готовность Вольфзона показать читателям журнала не только достижения, но и «препятствия и заблуждения», стоящие перед страной на пути к прогрессу, заслуживает особого внимания ввиду его решения, год спустя, перевести «Отцов и детей». Вышеприведенный отрывок также в некоторой степени показателен для той «многозначности» («*Weitschweifigkeit*»), которая, как заметила К. Шульце, была свойственна стилю Вольфзона.¹¹² Как ни странно, этот недостаток проявляется преимущественно только в тех случаях, когда Вольфзон говорит от своего лица, то есть в его литературно-критических сочинениях, стихотворениях и драмах. Его переводы, напротив, являются образцовыми по точности, выразительности и — при необходимости — лаконичности, что особенно заметно в его переводах из Тургенева, который, как известно, возвел до эстетического принципа максиму Вольтера: «секрет того, как вызывать скуку, как раз в том и состоит, чтобы говорить обо всем подряд».¹¹³

Возвращаясь к деятельности Вольфзона на посту издателя и редактора собственного журнала, следует отметить, что с самого начала ему пришлось столкнуться с трудностями различного характера. Каждый

---

¹¹¹ Prospectus // *Russische Revue*. 1863. Bd. 1. H. 1. [Mai]. S. I–IV.

¹¹² См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 14.

¹¹³ ПССУП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 103. Письмо к Л. Я. Стечкиной от 25 апреля (6 мая) 1878 г. В подлиннике у Тургенева: «le secret d'ennuyer est celui de tout dire».

том «Russische Revue» должен был состоять из четырех книжек, но сроки их выхода в свет были лишены всякой регулярности. Например, вторая книжка первого тома появилась в феврале 1863 года, то есть спустя девять месяцев после первой книжки, а третья и четвертая книжки вышли одновременно, в мае 1863 года! Отчасти задержки в выходе томов объясняются большим объемом работы, которой требовало составление и редактирование каждой книжки. Дело усугублялось и перфекционизмом Вольфсона, особенно по отношению к собственным переводам. Непредсказуемость сроков появления книжек «Russische Revue», разумеется, не могла не сказаться на количестве подписчиков.¹¹⁴ Сверх того, положение Вольфсона-редактора еще более осложнилось, когда в августе 1863 года последовало решение нового министра народного просвещения А. В. Головнина лишить его журнал финансовой поддержки русского правительства.¹¹⁵ Пытаясь привлечь новых подписчиков — согласно данным, которыми располагал Головнин, в Германии их насчитывалось всего 400 — и сделать журнал более рентабельным, Вольфзон стал помещать статьи, которые были посвящены не только России. Это отразилось и в смене названий журнала. С мая 1862 года по декабрь 1863 года (Т. 1–2) полное название звучало — «Russische Revue. Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Rußland», с января по март 1864 года (Т. 3) — «Russische Revue. Internationale Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben», а затем слово «русское» и вовсе исчезло из заглавия. Хотя Россия продолжала занимать центральное место в большинстве журнальных материалов, с лета 1864 года по лето 1865 года (Т. 1–4) он издавался под новым названием — «Nordische Revue. Internationale Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben».¹¹⁶

Несмотря на все невзгоды, Вольфзон не падал духом и не щадил ни сил, ни времени, чтобы обеспечить высокий уровень журнала. Так, чтобы собрать новые материалы для «Russische Revue», он еще дважды специально ездил в Россию и пробыл в Петербурге в марте — апреле 1863 года и с конца апреля до июня 1864 года. Из весенней поездки 1863 года он привез с собой в Дрезден, как уже отмечалось, экземпляр отдельного издания «Отцов и детей», а также февральскую книжку «Русского вестника», где была опубликована повесть Л. Н. Толстого «Поликушка», которую он тотчас начал переводить для летних номеров

---

¹¹⁴ См.: *Hexelschneider E.* Wilhelm Wolfsohn: Ein jüdischer Kulturmittler zwischen Rußland und Deutschland. S. 62.

¹¹⁵ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken.* S. 190.

¹¹⁶ См.: *Ibid.* S. 191–192.

«Russische Revue». В примечании на первой странице перевода он дал краткую, но меткую характеристику совсем еще неизвестного в Германии автора: «Среди современных русских писателей граф Лев Толстой является одним из самых выдающихся — как в художественной, так и в педагогической литературе. Он дал глубокие и исполненные жизни описания и тихого домашнего уюта, и шумного света. Его книга „Детство и отрочество“ принадлежит к самым поэтическим книгам, которые когда-либо являлись на русском языке. Его „Военные рассказы“ являются превосходными картинами Кавказской и Крымской войн, насыщенными характерными деталями. Несколько лет тому назад он посвятил себя целиком народному образованию. Он сам учит крестьян в своих имениях и издает журнал для народа, который носит название его главного имения, — „Ясная Поляна“». ¹¹⁷ Вольфзон таким образом первым познакомил немецких читателей с творчеством Толстого. ¹¹⁸

На основе обстоятельного изучения всех семи томов журнала Вольфзона, вышедших в 1862–1865 годах, К. Шульце установила, что в нем было представлено 26 переводов из русской художественной литературы, среди которых 13 стихотворений, два отрывка из драматических пьес и 11 произведений беллетристической прозы. ¹¹⁹ Большинство стихотворных переводов принадлежит самому Вольфзону (хотя в основном это были старые, ранее публиковавшиеся переводы), но некоторые стихотворения были переведены К. Павловой, она же осуществила перевод исторической драмы А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», отрывок из которой был представлен в «Russische Revue» в ноябре 1863 года, то есть за два с лишним года до публикации ее в России.

Из 11-и прозаических переводов не менее восьми принадлежат Вольфзону. В хронологическом порядке появления в журнале это — «Дневник Вареньки» из «Бедных людей» (февраль 1863 г.) и четыре главы из «Записок из Мертвого дома» (май 1863 г.) Достоевского, «Поликушка» Толстого (июль — август 1863 г.), «Постоялый двор» Тургенева (сентябрь — ноябрь 1863 г.), «Старосветские помещики» Гоголя (декабрь

---

¹¹⁷ Paul. Erzählung vom Grafen Leon Tolstoy // Russische Revue 1863. Bd. 2. H. 1. S. 28.

¹¹⁸ Об этом см. подробнее: *Шульце Хр.* Толстой в Германии (1856–1910) // *ЛН*. Т. 75. Кн. 2. С. 208.

¹¹⁹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 194. В число переводов художественной прозы не включена народная сказка «Невеста с площади» в обработке В. И. Даля, которая в переводе Вольфзона появилась в «Nordische Revue» в 1864 г. См.: *Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns*. S. 482. № 7.2.1.

1863 г.), «Шинель» Гоголя (февраль 1864 г.), «Большой свет» Соллогуба (лето 1864 г.) и первые десять глав «Отцов и детей» Тургенева (февраль — март 1865 г.), причем переводы из Гоголя и Соллогуба ранее были напечатаны в сборнике «*Russisches Leben und Dichten*» (1851). Если один из «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина Вольфзон в октябре 1863 года просто перепечатал из недавно вышедшего в Берлине сокращенного немецкого издания книги русского писателя, где имя переводчика не указывалось, то для первых двух произведений Тургенева, представленных в «*Russische Revue*», он сумел привлечь двух именитых переводчиков — Фридриха Боденштедта («Фауст», май 1862 г.) и Вильгельма фон Коцебу («Муму», май 1863 г.).

Печатавая произведения Достоевского и Толстого, Вольфзон, как уже говорилось, счел нужным снабдить переводы вступительной заметкой, чтобы познакомить немецкого читателя с авторами, о которых тот не имел ни малейшего понятия. А вот Тургенев в таком представлении не нуждался, поскольку к 1863 году являлся самым известным русским писателем в Германии! Учитывая успех «Записок охотника» в немецком переводе Августа Видерта, с которым он был лично знаком,¹²⁰ и Августа Больца, Вольфзон понимал, что его задачей было подать в «*Russische Revue*» «неизвестного» Тургенева. Однако выбор «Отцов и детей» нельзя объяснить одной жаждой новизны. Главным для Вольфзона стал, скорее, тот факт, что в романе отразился сложный путь России накануне освобождения крестьян и в то же время прозвучала надежда на возможность окончательного торжества «духа доброты, любви и справедливости».

Вильгельм Вольфзон — переводчик «Отцов и детей»

Самое раннее упоминание о намерении перевести «Отцов и детей» для «*Russische Revue*» содержится в письме Ауэрбаха к Вольфзону от 19 января н. ст. 1864 года из Берлина: «Приходи поскорей с романом Тургенева. Это важно».¹²¹ Как справедливо замечает К. Шульце, такой призыв свидетельствует о том, что Вольфзон, либо при личной встрече с Ауэрбахом в Берлине, либо в не дошедшем до нас письме, посвятил друга в содержание романа и рассказал о желании поместить его немец-

¹²⁰ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 197.

¹²¹ Цит. по: *Ibid.* S. 201 («Komm nur bald mit dem Roman von Turgeneff. Das ist wichtig»).

кий перевод в своем журнале.¹²² Вольфзон откликнулся на следующий день из Дрездена: «Тургеневским романом я собираюсь открыть второй квартал. Он слишком велик, чтобы успеть напечатать его в первом».¹²³ В остальной части сохранившейся переписки Вольфзона с Ауэрбахом и другими корреспондентами — за одним исключением, о котором далее пойдет речь, — никаких упоминаний о романе Тургенева выявить не удалось.¹²⁴

Намерение Вольфзона начать публикацию перевода тургеневского романа во втором квартале 1864 года подтверждается объявлением о подписке на журнал «Russische Revue», появившимся через десять дней после его письма к Ауэрбаху. В этом объявлении анонсировались различные интересные статьи и произведения, среди которых «в точном

---

¹²² См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 201. Не исключено, что Ауэрбах, который не владел русским языком, уже познакомился с романом через французское издание (*Charpentier 1863*).

¹²³ Ср.: «Mit dem Turgenew'schen Roman beginne ich das zweite Quartal. Er ist zu umfanglich, als daß ich ihn noch in das erste hätte bringen können». Письмо от 20 января н. ст. 1864 г. Цит. по подлиннику: Deutsches Literaturarchiv Marbach. Signatur: A: Auerbach, Zugangsnummer Z 3705, 5. Приношу глубокую благодарность сотруднице Немецкого литературного архива Гудрун Бернгардт (Gudrun Bernhardt), которая любезно согласилась просмотреть все хранящиеся в этом архиве письма Вольфзона на предмет упоминаний о Тургеневе. Таковое обнаружилось лишь одно — в процитированном выше письме к Ауэрбаху. Это письмо было известно и К. Шульце, которая приводит его в своей диссертации, с одним существенным разночтением во втором предложении: «Er ist zu **verfänglich**, als daß ich ihn noch in das erste hätte bringen können» (*Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 201. Выделено мною. — Л. С.). Таким образом, вместо «Он слишком велик <...>» (*umfanglich*) она прочла: «Он слишком рискован <...>» (*verfänglich*). Исходя из данного прочтения, Шульце заключила, что Вольфзон, который до апреля 1864 г. еще вынужден был соизмерять свои действия с Министерством народного просвещения, опасался, что роман, вызвавший столь бурную полемику в России, может скомпрометировать его в глазах русского правительства. После того как мы обратили внимание г-жи Бернгардт на это разночтение, она с помощью своего коллеги, д-ра Гельмута Мойема (Helmuth Mojem) — эксперта по старым рукописям, — повторно обратилась к указанному фрагменту и подтвердила чтение: «umfanglich» («объемный, большой»).

¹²⁴ По нашей просьбе, в марте 2013 г. сотрудник Рукописного отдела Берлинской государственной библиотеки (Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz) Ральф Бреслау (Ralf Breslau) любезно пересмотрел все хранящиеся там письма к Вольфзону от разных корреспондентов за 1862–1865 гг., но не обнаружил никаких указаний на перевод «Отцов и детей». Для настоящей работы мы, к сожалению, не смогли изучить все письма самого Вольфзона, а также обращенные к нему, которые зафиксированы в немецкой электронной базе данных автографов и архивов «Kalliope»: <http://kalliope.staatsbibliothek-berlin.de/>.

переводе вышедшая недавно выдающаяся русская повесть («die neueste epochemachende russische Erzählung». — Л. С.) „Отцы и дети“ Тургенева, знаменитого автора „Записок охотника“». ¹²⁵ Однако, как уже говорилось, последняя книжка «Russische Revue» вышла в марте 1864 года. По каким-то неизвестным причинам — возможно, из-за болезни, которая стала подтачивать силы Вольфзона, ¹²⁶ а может быть, из-за трудностей с переводом — Вольфзон не считал возможным начать публикацию перевода «Отцов и детей» в тех книжках «нового» журнала «Nordische Revue», которые выходили с апреля до конца 1864 года.

В «Nordische Revue» перевод «Отцов и детей» начал публиковаться лишь в феврале 1865 года (гл. I–VII). Печатание продолжилось в марте (гл. VIII–X), но потом было прекращено, и в остальных книжках журнала, которые Вольфзон успел издать до своей преждевременной кончины (1 (13) августа 1865 г.), перевод больше не появлялся. Здесь прежде всего следует отметить, что этот, к сожалению, так и не завершённый перевод «Отцов и детей» вышел под заглавием «Väter und Kinder», более, на наш взгляд, соответствующим заглавию оригинала, чем заглавие «Väter und Söhne» (буквально «Отцы и сыновья»), которое впоследствии с одобрения Тургенева — с выходом в июне 1869 года первого тома митавского издания его избранных сочинений на немецком языке — укоренилось в Германии. Заглавие «Väter und Kinder» также более соответствует содержанию самого романа, в котором изображены не только «сыновья», но и женские представители нового поколения. ¹²⁷

Что касается авторства перевода первых десяти глав «Отцов и детей», появившегося в «Nordische Revue» в начале 1865 года, то К. Шульце в своей диссертации смогла лишь заключить, что оно, скорее всего, при-

---

¹²⁵ Magazin für die Literatur des Auslandes. 1864. № 5. 31. Januar. S. 80. На это объявление уже обратила внимание В. А. Лукина (см.: Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 289, примеч. 1).

¹²⁶ Это предположение высказывает К. Шульце (*Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 201–202) как альтернативу гипотезе о том, что Вольфзон по «политическим» причинам не решился начать публикацию перевода в 1864 г.

¹²⁷ На этот аспект обратила мое внимание покойная Диана Эннинг Томпсон (Diane Oenning Thompson) — автор замечательного исследования о последнем романе Достоевского, которое было переведено на русский язык: *Томпсон Д. Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти* / Пер. с англ. Н. М. Жутовской и Е. М. Видре. СПб., 2000. Ей не нравилось заглавие «Fathers and Sons», которое утвердилось в США и в Англии, начиная с первого английского перевода Юджина Скайлера (Eugene Schuyler), вышедшего в Нью-Йорке летом 1867 г. Лишь для некоторых позднейших изданий романа на английском языке было выбрано более верное заглавие «Fathers and Children».

Nordische Revue.

Internationale Zeitschrift

1907, 993
für

Literatur, Kunst und öffentliches Leben.

Herausgegeben

von

Dr. Wilhelm Wolffohn.

~~~~~
Dritter Band.

f. 2. 916⁺ : 3.4.
1865

Leipzig.

Verlag von Veit und Comp.

1865.

St R 1830

Титульный лист третьего тома журнала «Nordische Revue» (Лейпциг, 1865)

Väter und Kinder.

Roman von Iwan Turgeneu.

I.

— Nun, Peter? Noch nichts zu sehen?

Diese Frage richtete am 20. Mai 1859 ein Herr von etwas über vierzig Jahren, in bestaubtem Paletot und farrirten Hosen, der ohne Mütze auf die niedere Vortreppe des Gasthauses an der **er Landstraße hinaustrat, an seinen Diener, einen jungen pausbäckigen Kerl mit hellem Flaum am Kinne und kleinen, trüben Augen.

Der Diener, an welchem sowohl der Türkisring im Ohre als das pomadirte verschiedenfarbige Haar und die höflichen Bewegungen, kurz, alles ein Subject der modernen, vervollkommenen Generation verrieth, sah herablassend nach der Landstraße und erwiderte: — Nein, man sieht nichts.

— Man sieht nichts? wiederholte der Herr.

— Man sieht nichts, entgegnete zum zweiten Mal der Diener.

Der Herr seufzte und ließ sich auf die Bank nieder. Wir wollen, während er so mit untergeschlagenen Beinen dasitzt und nachdenklich umherblickt, den Leser mit ihm bekannt machen.

Sein Name ist Nikolaj Petrowitsch Kirjanow. Er besitzt ein hübsches Gut, fünfzehn Werst von dem Gasthause, ein Gut von 200 Seelen oder — wie er selbst es bezeichnet, seit er das Land mit seinen Bauern abgemessen und eine „Farm“ angelegt — von 2000 Dessätinen. Sein Vater, General aus der Campagne von 1812, ein des Lesens und Schreibens nur halbfundiger, roher, aber gutmüthiger Russe, stak zeit- lebens im Joch, commandirte erst eine Brigade, dann eine Division und

«Отцы и дети» в переводе В. Вольфзона (Nordische Revue, 1865).

Начало первой главы

надлежит Вольфзону, но за отсутствием неопровержимых доказательств утверждать это безоговорочно нельзя. Среди аргументов, говорящих в пользу авторства Вольфзона, она указала на то обстоятельство, что перевод появился без указания имени переводчика, напомнив, что Вольфзон и ранее не подписывался под переводами, которые считал не вполне удавшимися.¹²⁸ Однако вывод Шульце неверен. Дело в том, что во *всех* переводах Вольфзона, помещенных в его журнале, инициалы «W. W.» всегда указывались в самом конце. Когда в марте 1865 года вышла очередная книжка «Nordische Revue» с главами VIII–X романа, Вольфзон, очевидно, еще рассчитывал довести перевод до конца. Усилившиеся боли от рака печени, однако, не дали ему продолжить свой труд, и последние две книжки журнала, вышедшие в апреле и мае 1865 года, содержали лишь шесть сравнительно кратких статей и обзоров.¹²⁹ С другой стороны, Шульце в своей диссертации справедливо опровергла предположение о том, что неназванным переводчиком мог быть Боденштедт. Некоторые основания для подобного предположения дает письмо Боденштедта к Тургеневу от 21 мая (2 июня) 1866 года, в котором он поделился намерением дополнить двухтомное мюнхенское издание повестей Тургенева третьим томом с романом «Отцы и дети», «который я тотчас же по выходе его в свет начал переводить».¹³⁰ Однако, как подчеркивает сама Шульце, Боденштедт вряд ли бы отдал Вольфзону незаконченный перевод. Более того, Боденштедт окончательно отказался от идеи издать третий том не ранее ноября 1865 года.¹³¹

Благодаря недавно обнаруженному документу, который мы публикуем ниже, можно безоговорочно утверждать, что автором первого (неполного) перевода «Отцов и детей» на немецкий язык был именно Вольфзон. Следует заметить, что в вышедшей в 2006 году библиографии его сочинений, составленной Ингольфом Шваном, этот перевод

---

¹²⁸ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 202. Anm. 1.

¹²⁹ См.: *Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns*. S. 477. № 6.2.11.21–26. В двух из них Вольфзон вернулся к важному для него вопросу об эмансипации евреев: «Die Juden in Rußland» («Евреи в России») и «Die Mischehen in Rußland» («Смешанные браки в России»).

¹³⁰ Цит. по: Письма Фридриха Боденштедта (1861–1866) / Публ. Анри Гранжара; пер. с франц. Л. Р. Ланского и Н. Д. Эфрос // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 332. Подлинник по-нем. В опубликованных Х. Раппихом выдержках из дневника Боденштедта, в которых упоминаются Тургенев или его произведения и которые охватывают период с 10 (22) февраля 1861 г. по 8 (20) июля 1864 г., нет никаких указаний на работу над переводом «Отцов и детей». См.: *Rappich H. F. Bodenstedt und Turgenew*. S. 237–244.

¹³¹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 202. Anm. 1.

числится за Вольфзоном.¹³² Атрибутируя ему перевод, составитель опирался исключительно на доводы, выдвинутые К. Шульце.¹³³ Однако Шульце в свое время не решилась поставить точку в вопросе об атрибуции перевода первых десяти глав «Отцов из детей» и назвала его среди тех переводов, для которых «авторство Вольфзона не доказано, а является лишь вероятным».¹³⁴ В русской же научной литературе только в последнее время было обращено внимание на этот неполный перевод и на обстоятельства его появления.¹³⁵

В Рукописном отделе Берлинской государственной библиотеки хранится письмо к Вольфзону от 3–6 марта н. ст. 1865 года, написанное его близкой приятельницей Жанеттой Аронхайм (Jeannette Aronheim), в котором мы находим единственное — помимо двух вышеприведенных писем, которыми Ауэрбах и Вольфзон обменялись в январе 1864 года, — упоминание о переводе «Отцов и детей» в известной нам переписке Вольфзона. К. Шульце, безусловно, была знакома с этим письмом, так как в своей диссертации цитирует несколько других писем Ж. Аронхайм — прежде всего те, где дается характеристика Вольфзона и его «доброй и мягкой» («mild und weich») натуры,¹³⁶ — однако данное письмо она не упоминает, возможно потому что по нему еще нельзя с полной уверенностью заключить о том, что именно Вольфзон был переводчиком первых десяти глав «Отцов и детей», появившихся в его журнале. Тем не менее данное письмо содержит ценный читательский отклик на этот перевод, и мы очень благодарны Ирис Лоренц (Iris Lorenz), сотруднице названного учреждения, за то, что она не только безвозмездно предоставила фотокопию этого письма — на существование которого указал

¹³² См.: *Schwan I.* Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns. S. 485. № 7.2.13.2.

¹³³ Указано Ингольфом Шваном 5 июня 2013 г. (по электронной почте).

¹³⁴ *Aus Wolfsohns Leben und Wirken.* Anlage 46.

¹³⁵ См.: *Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 289, примеч. 1. Как указывает исследовательница, сведения об этом переводе отсутствуют в комментариях к роману в обоих *ПССУП*. Если по отношению к *ПССУП(1)* это объяснимо, так как том с «Отцами и детьми» (*Соч.* Т. 8) появился в 1964 г. — то есть в том же году, когда К. Шульце защитила свою диссертацию в Берлинском университете им. Гумбольдта, — то непонятно, почему составители *ПССУП(2)*, в котором соответствующий том (*Соч.* Т. 7) вышел в 1981 г., не учли хотя бы работу Х. Раппиха о Тургеневе и Боденштедте, в которой были приведены точные библиографические данные о переводе в «*Nordische Revue*» с примечанием: «Здесь были напечатаны только первые десять глав романа; переводчик неизвестен» (*Pannix X.* Тургенев и Боденштедт. С. 352, примеч. 46).

¹³⁶ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken.* S. 74.

нам Ингольф Шван,¹³⁷ — но и помогла в расшифровке почерка Ж. Аронхайм. Корреспондентка Вольфзона жила в Брауншвейге и к моменту написания письма не виделась с ним уже несколько лет. Узнав о его тяжелой болезни, первые две страницы своего письма она посвящает выражению беспокойства и надежды на то, что Вольфзон в скором времени поправится и сможет навестить ее. Далее она делится своими впечатлениями от прочитанной книжки «Nordische Revue» за февраль 1865 года, в которой, как уже было отмечено, появился перевод глав I–VII «Отцов и детей»: «В последней книжке я пока прочла морские стихотворения Боденштедта,¹³⁸ которые мне очень понравились, и русскую повесть. Последняя исполнена оригинальности: она дает нам своеобразное представление о нравственной жизни России. В особенности те доверительные отношения, которые существуют между отцом и сыном, вызвали во мне почти болезненное замешательство. А все-таки это, несомненно, взято из жизни, так как невозможно, да и не должно выдумывать подобные вещи. Мне очень не хватало Ваших милых и душевных стишков».¹³⁹

Если принять в соображение, что эта читательница была немкой и притом, насколько можно судить, ровесницей Вольфзона или старше его (т. е. ей тогда было около пятидесяти), то не удивительно, что она пришла в смущение от тех мест в главах III и V романа, где Николай Петрович стыдливо признается сыну, что сошелся с молодой крестьянкой, и в особенности от того, как Аркадий не только не укоряет отца за эту связь, но приветствует ее. Прочти Жанетта Аронхайм роман целиком в переводе Вольфзона, кто знает: возможно, она переменила бы свое мнение о якобы «безнравственных» откровениях Кирсановых!

Изучение самого перевода дает множество дополнительных и весьма убедительных доводов в пользу авторства Вольфзона.¹⁴⁰ Прежде всего

---

¹³⁷ Указано Ингольфом Шваном 6 июня 2013 г. (по электронной почте).

¹³⁸ Речь идет о: Gedichte von Norderney. Von Friedrich Bodenstedt // Nordische Revue. 1865. Bd. 3. H. 2. [Februar]. S. 129–134. Нордерней — один из Фризских островов на северо-западе Германии. Боденштедт там провел лето 1864 г.

¹³⁹ На страницах «Russische Revue» и «Nordische Revue» Вольфзон, помимо переводов из русских поэтов, опубликовал свыше пятидесяти собственных стихотворений. См. их полный перечень: *Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns*. S. 458–461. № 1.2.6.1–52.

¹⁴⁰ За указание на то, как можно получить доступ к третьему тому «Nordische Revue» с незавершенным переводом «Отцов и детей», приношу глубокую благодарность Рональду де Вету (Ronald de Vet), соредактору журнала «Mitteilungen der Tschaikowsky-Gesellschaft». Этот том «Nordische Revue» является библиографической редкостью, но через Немецкий сводный каталог (Gemeinsamer Verbundkatalog)

это — поразительная точность, которая была присуща всем его переводам. Если во французском издании романа 1863 года (в котором, правда, до сих пор не представляется возможным вычленить первоначальную работу, сделанную неустановленным переводчиком — в силу новых данных, обнаруженных П. Уоддингтоном, им, по всей видимости, следует считать Ипполита Делава (Hippolyte Delaveau), скончавшегося в начале декабря 1862 года,¹⁴¹ — от более поздней редакторской правки

удалось отыскать не менее семи немецких библиотек, в которых имеется его экземпляр. Цифровые копии соответствующих страниц были заказаны в Лейпцигской университетской библиотеке. За выполнение заказа благодарю Гейдрун Деммер (Heidrun Demmer), сотрудницу этой библиотеки.

¹⁴¹ Предположение о том, что перевод в *Charpentier 1863* мог принадлежать Делава, было впервые высказано в библиографии французских переводов произведения Тургенева, составленной П. Уоддингтоном при участии Ф. Монрейно: *Waddington P, Montreynaud Fl. A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885 // Slavonic and East European Review. 1980. Vol. 58. № 1. P. 86. Item 28.* Исследователи исходили из того, что Делава был постоянным сотрудником журнала «Revue des Deux Mondes», для которого изначально предназначался перевод, а также руководствовались письмами Тургенева, в которых он не раз высоко отзывался о Делава как литераторе (см., например, письмо к С. Т. Аксакову от 27 декабря 1856 г. (8 января 1857 г.): «Статью о ваших „Хрониках“ написал некто Делава, здешний литератор, хорошо знакомый с русским языком; я ему помог и кое-что истолковал» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 3. С. 172)). Притом, как явствует из письма Тургенева к А. А. Фету от 8 (20) ноября 1861 г., Делава ознакомился с романом «Отцы и дети» в Париже еще по рукописи («Что касается до моей повести (о которой так благоприятно отозвался всё тот же *единственный* француз, „ночной фортепианист“ (прозвище, данное Фетом Делава. — Л. С.)) — то она, по причинам внутренним и внешним, не явится раньше весны <...>»). См.: Там же. Т. 4. С. 381). Обнаруженное П. Уоддингтоном в июне 2014 г. через вебсайт «Archives de Paris» свидетельство о смерти Делава позволяет уточнить полное имя (Hippolyte Charles Lecoite de Laveau) и биографию этого выдающегося французского пропагандиста русской литературы. Так, из этого документа мы узнаем, что скончавшийся 20 ноября (2 декабря) 1862 г. в Париже в возрасте 54-х лет Делава родился в Москве! Дальнейшие поиски Уоддингтона показали, что он был сыном французского эмигранта Жоржа-Этьена Франсуа Лекуэнта де Лаво (Georges-Etienne François Lecoite de Laveau; р. 1782), который приехал в Россию до 1806 г. (года его женитьбы в Москве на матери Ипполита) и оставался там по крайней мере до 1830-х гг. То обстоятельство, что Ипполит родился и вырос в Москве, подтверждается воспоминаниями Фета о своем пребывании в Париже в августе — октябре 1856 г. и встречах с Тургеневым: «Пока мы разговаривали, вошел высокого роста худощавый с проседью брюнет. Тургенев познакомил нас, назвавши мне господина Делава. Оказалось, что г. Делава прожил несколько лет в России, где познакомился с русской литературой и с литературным кружком раньше моего с последним знакомства. Так, знал он

Мериме и самого Тургенева), несмотря на его несомненные достоинства, все-таки встречаются отклонения от оригинала — которые можно

Панаевых, Некрасова, Гончарова, Боткина, Тургенева и даже меня по имени. В настоящее время он в Париже занимался переводами с русского языка и, как сказывал мне Тургенев, должен был перебиваться весьма затруднительно в денежном отношении» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 148). Переводческую жилку, так сказать, И. Делаво унаследовал от отца, чей перевод «Цыган» Пушкина на французский язык был напечатан в «Revue du Nord» в 1837 г. После смерти Делаво Тургенев принял участие в заботах о его вдове (см. письмо Анненкова к Тургеневу от 14 (26) декабря 1862 г.: «Касательно долга редакции „М<осковских> в<едемостей>“ бедному Делаво, справки об этом наводятся и о результате их позабочусь» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 130)). Представляется весьма вероятным, что Делаво незадолго до смерти завершил перевод «Отцов и детей» и Тургенев, купив эту рукопись у его вдовы, передал ее Мериме для стилистической шлифовки. Из-за возможных осложнений с Франсуа Бюлозом, влиятельным редактором «Revue des Deux Mondes», который мог считать перевод Делаво своей собственностью, Тургенев и Шарпантье, если наша гипотеза верна, решили не указывать имени переводчика в публикации французского перевода романа 1863 г. Находки Уоддингтона, к которым принадлежит и некролог Делаво, написанный историком Анри Мартеном (*Le Siècle.* 1862. 9 décembre. P. 3), открыли богатейшее поле для дальнейших исследований. Предположение Уоддингтона о том, что Делаво был переводчиком «Отцов и детей», нам кажется гораздо убедительнее гипотезы, что перевод принадлежит самому Тургеневу и Л. Виардо. Эта гипотеза была, по-видимому, впервые выдвинута Анри Монго в его комментарии ко второму тому «Etudes de littérature russe» в Полном собрании сочинений Мериме, вышедшем в 1920–1930-х гг., где утверждается: «Мериме просмотрел корректуру перевода, сделанного Тургеневым и Виардо» («Mérime avait revu les épreuves de la traduction due à Tourguénief et Viardot») (*Mérime P. Œuvres complètes / Publiées sous la direction de Pierre Trahard et Edouard Champion.* Paris, 1932. Т. 2. P. 548). Она до сих пор имеет своих приверженцев (см., например, публикацию А. Я. Звигильского: *Тургенев. НИиМ* (3). С. 418–419). Помимо отсутствия в дошедших до нас письмах Тургенева за 1862–1863 гг. каких-либо упоминаний о подобной работе вряд ли Тургенев решился бы привлечь строгого Л. Виардо к переводу романа, в котором встречаются несколько случаев прелюбодеяния. Кроме того, против гипотезы Монго говорит и то обстоятельство, что Тургенев в письме к Б.-Э. Бере от 2 (14) января 1869 г. следующим образом охарактеризовал французское издание романа: «Французский перевод (проверенный Мериме) — „Отцов и детей“ великолепен» (*ЛССиП*(2). *Письма.* Т. 9. С. 285. Подлинник по-нем.). В письме к Пичу день спустя он также назвал этот перевод «превосходным» (Там же. С. 286. Подлинник по-нем.). Известный своей прирожденной скромностью, Тургенев вряд ли стал бы расхваливать собственную работу! Здесь можно скорее предположить дань памяти покойного Ипполита Делаво. Выявленные Уоддингтоном новые факты о Делаво вошли в основу доклада: «И. С. Тургенев и „ночной фортепьянист“ Ипполит Делаво (К французскому переводу „Отцов и детей“», прочитанного нами на научной конференции «Проблемы научной биографии И. С. Тургенева», которая состоялась в Пушкинском Доме 10 ноября 2014 г.

объяснить либо расчетом на французскую аудиторию, либо особым подходом переводчика к своей задаче, либо недосмотром редакторов (т. е. Мериме и Тургенева), — то перевод «Nordische Revue» в этом отношении практически безукоризнен. К тому же, в отличие от французского,¹⁴² он был выполнен исключительно с отдельного русского издания романа, вышедшего в Москве в сентябре 1862 года.

Приведем несколько показательных примеров. В главе III Николай Петрович на радостное замечание Аркадия о том, что им выпал такой «чудный день», отвечает: «Да, весна в полном блеске. А впрочем, я согласен с Пушкиным — помнишь, в Евгении Онегине <...>».¹⁴³ Во французском издании название произведения Пушкина, из которого отец Аркадия начинает декламировать стихи, пока его не прервет крик Базарова, исчезло: «Au reste, je suis de l'avis de Pouchkine, tu te rappelles ces vers <...>».¹⁴⁴ Такой пропуск был бы немыслим для Вольфсона, который мог рассчитывать на то, что читателю его журнала (в котором уже появились несколько статей о Пушкине) будет небезынтересна любая деталь, связанная с именем великого русского поэта. И действительно, в «Nordische Revue» читаем: «Doch stimme ich übrigens mit Puschkin überein — erinnerst du dich? — in Eugen Onägin <...>».¹⁴⁵ А вот менее «возвышенный» пример — на замечание Павла Петровича в главе VI, что Базаров искусства не признает, тот с «презрительной усмешкой» отвечает: «Искусство наживать деньги, или нет более геморроя!».¹⁴⁶ Во французском издании вторая часть реплики Базарова подверглась изменению: «L'art de gagner l'argent et de guérir radicalement les cors aux

---

¹⁴² В. А. Лукина первой установила тот важный факт, что французский перевод был выполнен на основе журнального, а не отдельного издания романа (см.: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 299–300). В своей работе она указала на некоторые изменения, внесенные Тургеневым в отдельное русское издание, которые попали и во французское издание — благодаря правке Мериме и Тургенева. То обстоятельство, что французский перевод осуществлялся с журнального издания, свидетельствует в пользу авторства Делава, который, ознакомившись с романом по рукописи (ср. вышеприведенное письмо Тургенева к Фету от 8 (20) ноября 1861 г.), располагал достаточным временем, чтобы перевести его по получении февральской книжки «Русского вестника» за 1862 г.

¹⁴³ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 17.

¹⁴⁴ Charpentier 1863. P. 18.

¹⁴⁵ Wolfsohn 1865. S. 145.

¹⁴⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 28.

rieds!».¹⁴⁷ Вольфзон же не стал смягчать выражения Базарова: «Die Kunst Geld zu erwerben, oder: Keine Hämorrhoiden mehr!».¹⁴⁸

Некоторые отклонения от оригинала во французском издании принадлежат к разряду так называемой «отсебятины»¹⁴⁹ — то есть тех случаев, где переводчик пытается улучшить или украсить оригинал. Например, в конце главы IX, когда Базаров смеется над отцом Аркадия, играющим пьесу Шуберта на виолончели, читаем: «...но Аркадий, как ни благоговел перед своим учителем, на этот раз даже не улыбнулся».¹⁵⁰ Во французском издании последняя часть этого предложения была существенно изменена: «...mais Arcade, quel que fût le respect qu'il portât à son maître, **ne se sentit pas la moindre envie de l'imiter cette fois**» («...на этот раз не почувствовал ни малейшего желания ему подражать»)¹⁵¹ У Вольфзона же — полная верность подлиннику: «...Arkadi aber konnte bei aller Ehrfurcht vor seinem Lehrer jetzt **nicht einmal lächeln**».¹⁵² Поскольку Тургенев сам принял некоторое участие в редактировании французского перевода, нельзя, конечно, исключать, что подобные изменения (которых, кстати, не так уж много) были внесены с его одобрения. Вот другой пример — в своей знаменитой «схватке» с Базаровым в главе X Павел Петрович восклицает по адресу юных нигилистов, бравирующих своей разрушительной «силой»: «...последний пачкун, *un barbouilleur*, тапер, которому дают пять копеек за вечер, и те полезнее вас <...>».¹⁵³ Французский переводчик отказался использовать то слово, от которого происходит русское «тапер» — «*tapeur*», возможно потому что оно чаще употребляется в другом смысле — человек, часто занимающий деньги, — и вместо него довольно свободно парафразировал эту профессию: «...le dernier barbouilleur d'enseignes, **le misérable joueur de**

---

¹⁴⁷ *Charpentier 1863*. P. 39. Возможно, это одно из тех мест, которое Мериме имел в виду в своем письме к Тургеневу от 6 (18) марта 1863 г.: «Вот корректура. Я сделал несколько маленьких изменений в интересах благопристойности» (*Mérimée P. Correspondance générale / Etablie et annotée par Maurice Parturier. 2me série. Toulouse, 1957. T. 5. P. 361. Подлинник по-франц.*).

¹⁴⁸ *Wolfsohn 1865*. S. 158.

¹⁴⁹ О том, насколько Тургенев возмущался подобными вольностями своих переводчиков (в особенности Э. Шаррьера в первом французском издании «Записок охотника»), см.: *Žekulin N. Turgenev as Translator // Canadian Slavonic Papers. 2008. Vol. 50. № 1/2. P. 167, 173.*

¹⁵⁰ *ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 43.

¹⁵¹ *Charpentier 1863*. P. 66. Здесь и далее полужирным выделено мною. — *Л. С.*

¹⁵² *Wolfsohn 1865*. S. 319.

¹⁵³ *ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 52.

polkas et de vales («презренный исполнитель полек и вальсов») auquel on donne cinq kopeks par soirée, sont plus utiles que vous <...>». ¹⁵⁴ Вольфзон же нашел самое подходящее и выразительное слово на немецком: «Der letzte Schmierer, un barbouilleur, **ein Klimperer**, dem man fünf Kopeken für den Abend giebt — auch die sind nützlicher als ihr <...>». ¹⁵⁵

В редких случаях стремление Вольфзона к максимальной точности привело к не совсем удовлетворительным результатам. Например, в передаче крестьянского варианта имени Кирсановых Марьино — «Бобылий хутор» — как «Ledig-Gut» сказывается подход ученого-филолога, но менее верное решение французского переводчика — «Maison des Orphelins» («Сиротский приют») — куда выразительнее! Сравним оба перевода иронического ответа Павла Петровича на вопрос брата, поедет ли тот в город, чтобы посетить дальнего родственника Матвея Ильича Колязина: «И я не поеду. Очень нужно тащиться за пятьдесят верст к селю есть». ¹⁵⁶ Во французском издании малопонятная для иностранного читателя вторая половина этой поговорки была заменена эквивалентным выражением на французском: «Moi, non plus. Je ne vois pas la nécessité de me traîner à cinquante verstes **pour ses beaux yeux**» (букв.: «ради его прекрасных глаз»). ¹⁵⁷ Вольфзон же либо не заметил, что Павел Петрович здесь употребляет поговорку, — что маловероятно, если вспомнить его собственные слова из письма к одному русскому корреспонденту: «...народные песни и народные пословицы всегда были для меня драгоценное сокровище», ¹⁵⁸ — либо не нашел лучшего решения, чем перевести ее буквально: «Auch ich nicht. Verlohnte sich auch der Mühe, eine Reise von fünfzig Werst zu machen, **um Kissél zu essen**». ¹⁵⁹ Напрашивается вопрос: сколько читателей «Nordische Revue» были знакомы с этим русским блюдом...

С другой стороны, Вольфзон чувствовал, когда не следует стремиться к абсолютной точности в переводе, и даже был не прочь подправить Тургенева! В начале главы X, во время разговора между Аркадием и Базаровым, который Николай Петрович невольно подслушивает, на вопрос Аркадия, какую «дельную» книгу можно было бы дать его отцу

¹⁵⁴ Charpentier 1863. P. 80–81.

¹⁵⁵ Wolfsohn 1865. S. 329.

¹⁵⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 46.

¹⁵⁷ Charpentier 1863. P. 71.

¹⁵⁸ Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 36. Письмо к Н. Ф. Щербине от 15 (27) июля 1861 г.

¹⁵⁹ Wolfsohn 1865. S. 323.

почитать, Базаров отвечает: «Да, я думаю, Бюхнерово „**Stoff und Kraft**“ на первый случай».¹⁶⁰ На самом деле правильное заглавие материалистического трактата Людвиг Бюхнера — «**Kraft und Stoff**» (Tübingen, 1855). Ошибка, проскользнувшая у Тургенева, дала повод М. А. Антоновичу ехидно спросить в известной разгромной рецензии на «Отцов и детей»: «Он (Тургенев. — Л. С.) не знает даже точно заглавия той книги, на которую он указывает как на кодекс современных воззрений; что же сказал бы он, если б его спросили о содержании книги».¹⁶¹ Во французском издании, несмотря на появление подстрочного примечания к этому месту — «Ouvrage destiné à populariser les principes de l'école matérialiste moderne en Allemagne» («Труд, предназначенный популяризировать современное материалистическое учение Германии»),¹⁶² — неверное заглавие так и осталось неисправленным. Вольфзон же в переводе для журнала, обращенного к образованному немецкому читателю, просто не мог позволить себе оставить ошибку Тургенева, и у него Базаров говорит: «Nun, ich dächte, für's Erste Büchners „**Kraft und Stoff**“».¹⁶³

Можно привести и другие примеры, где Вольфзон ради удобопонятности пожертвовал той максимальной верностью оригиналу, которой он старался придерживаться. Когда Павел Петрович в главе X начинает излагать перед Базаровым свою апологию аристократизма: «Я *эфтим* хочу доказать, милостивый государь <...>», — у Тургенева появляется в скобках пространное пояснение о том, что вельможи Александровского времени любили употреблять такие якобы народные варианты местоимения «это», как «эфто» и «эхто».¹⁶⁴ Во французском издании эта авторская ремарка была переведена целиком. Вольфзон же, по-видимому считая этот экскурс в историю русского языка не совсем интересным для немецкого читателя и не видя в нем необходимого штриха к характеристике Павла Петровича, предпочел его опустить. У него высказывание Павла Петровича не прерывается ничем: «Ich will damit beweisen, mein Herr, daß es ohne das Gefühl der eignen Würde, ohne Selbstachtung <...>».¹⁶⁵

¹⁶⁰ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 45.

¹⁶¹ Антонович М. А. Асмодей нашего времени // *Совр.* 1862. № 3. Цит. по: Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике / Сост. И. И. Сухих. Л., 1986. С. 86.

¹⁶² Charpentier 1863. P. 69, note 1.

¹⁶³ Wolfsohn 1865. S. 321.

¹⁶⁴ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 47.

¹⁶⁵ Wolfsohn 1865. S. 324.

А там, где Вольфзон столкнулся с действительно «непереводимыми» оборотами, он, подобно французскому переводчику, прибегает к немецким эквивалентам. Это хорошо видно на примере ироничного замечания Павла Петровича в разговоре с племянником-нигилистом в главе V. Подчеркивая, что для него, как и для всех людей его поколения, невообразима жизнь без твердых принципов, Павел Петрович говорит Аркадию: «Vous avez changé tout cela, дай вам бог здоровья и генеральский чин, а мы только любоваться вами будем, господа... как бишь?».¹⁶⁶ В передаче этого места Вольфзон оставил слегка измененную знаменитую фразу из комедии Мольера «Лекарь поневоле», но не попытался передать народную поговорку (и в то же время цитату из комедии Грибоедова «Горе от ума»¹⁶⁷): «Vous avez changé tout cela... **Wohl bekomms euch, ihr Herren... wie nennt ihr euch doch gleich?**».¹⁶⁸ Во французском же издании мы находим буквальный перевод: «...**que Dieu vous donne la santé et le grade de général; nous nous contenterons de vous admirer, messieurs les... comment dis-tu?**», который сопровождается подстрочным примечанием к выделенному нами фрагменту, поясняющим, что это «Proverbe russe» («Русская поговорка»)).¹⁶⁹

Вообще одно очень существенное различие между французским переводом и переводом из «Nordische Revue», которое сразу бросается в глаза, заключается в обилии подстрочных примечаний в издании Шарпантье. Это различие объясняется двумя противоположными переводческими стратегиями. Если французский переводчик для того, чтобы не затушевать «колорит» оригинала (как правило, это чисто русские реалии, не имеющие аналогов во французском языке), сохранил и транслитерировал ряд русских слов, выделив их при этом курсивом и большей частью пояснив в сносках — «les poches de derrière de son *touloup*» («Pelisse de peau de mouton»); «des *dvorovi* libres» («Serfs employés au service intérieur»); «une *douchagreïka* bleue» («Sorte de manteau court que l'on jette ordinairement sur les épaules»); «un *samovar* allumé les attendait sur une table»; «dans une *kibitka* de Kalmouk» («Charriot à quatre roues»),¹⁷⁰ — то Вольфзон, видимо полагая, что обилие иностранных слов и примечаний утомляло бы читателя и отвлекало бы его от повествования, для всех вышеназванных русских слов нашел подходящие

¹⁶⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 25.

¹⁶⁷ См. коммент.: Там же. С. 457.

¹⁶⁸ Wolfsohn 1865. S. 155.

¹⁶⁹ Charpentier 1863. P. 34, note 1.

¹⁷⁰ Ibid. P. 10, 13, 26, 28, 81.

эквиваленты на немецком: «die Hintertaschen seines **Pelzes**», «Freigelassenen <...> die früher zum **Hausgesinde** gehörten», «in blauem **Mieder**», «Auf dem Tisch am Geländer kochte bereits <...> die **Theemaschine**», «in einer **Mongolenhütte**».¹⁷¹

Такой подход характерен для Вольфсона-переводчика. Например, в выполненном им переводе «Дневника Вареньки» из романа Достоевского «Бедные люди» слово «самовар» в одном месте воспоминаний, которым Варенька предается в петербургском пансионе: «Сидела бы я в маленькой комнатке нашей, у самовара, вместе с нашими <...>»,¹⁷² — было переведено таким же образом: «...ich säß' in dem kleinen Zimmerchen vor der **Theemaschine** zusammen mit den Unsrigen <...>».¹⁷³ В переводе «Отцов и детей» Вольфзон лишь в самых крайних случаях транслитерировал русские слова — например, в начале главы I: «2000 **Dessätinen**»,¹⁷⁴ причем в отличие от французского издания — «deux mille *deciätines*» («Mesure de terrain equivalent à un hectare à peu près»)¹⁷⁵ — он не выделил это слово курсивом, не снабдил сноской. Еще один пример транслитерации встречаем в конце той же главы: «ein **Tarantas**». Это, пожалуй, единственный на все десять глав случай, когда Вольфзон прибегает к подстрочному примечанию: «Eigenthümlich construirter russischer Reiseswagen» («Особым образом сделанная русская повозка»)¹⁷⁶ Во французском же издании только в первых десяти главах насчитывается не менее 26-и примечаний! Притом они объясняют французскому читателю не только русские слова или пословицы, но и русские обычаи, исторические детали и, как уже говорилось выше, даже ту немецкую книгу, которую Базаров рекомендует в качестве чтения для Николая Петровича.

В нашу задачу не входит решение вопроса, какой из этих двух переводческих стратегий отдать предпочтение. Каждая из них по-своему направлена на то, чтобы сделать произведение иностранного автора более понятным для читателя. Заметим только, что внесение подстрочных примечаний, объясняющих русские обычаи и поверья, характерно

---

¹⁷¹ *Wolfsohn 1865*. S. 140, 142, 150, 151, 329.

¹⁷² *Достоевский*. Т. 1. С. 28.

¹⁷³ *W<olfsohn> W<ilhelm>*. Theodor Dostojewsky und seine sibirischen Memoiren. S. 146.

¹⁷⁴ *Wolfsohn 1865*. S. 135.

¹⁷⁵ *Charpentier 1863*. P. 2.

¹⁷⁶ *Wolfsohn 1865*. S. 138. Примечательно, что на этот раз во французском издании слово «tarantass» (*Charpentier 1863*. P. 6) появляется без курсива и без какого-либо подстрочного примечания! По-видимому, либо переводчик, либо Мериме в качестве редактора считали, что это русское слово уже достаточно знакомо французской публике.

для практики Делава, и что это, как подчеркивает П. Уоддингтон, безусловно связано с тем, что Делава провел детство и юность в России.¹⁷⁷ Подобными переводческими принципами можно было бы объяснить некоторые из вольностей, которые то и дело попадают во французском издании, ведь иногда подстрочное примечание, либо намеренно, либо по недосмотру, может быть перенесено в главный текст. Возьмем пример, на который уже обратила внимание В. А. Лукина, а именно характеристику Павла Петровича в начале главы VII: «Он с детства отличался замечательною красотой; к тому же он был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно желчен — он не мог не нравиться».¹⁷⁸ Приведем французский перевод этого места со вставкой, выделенной нами: «D'une beauté remarquable, suffisant, un peu moqueur et d'une irascibilité coquette (**c'était la mode à cette époque**) (тогда это было в моде. — *Ped.*), il ne pouvait manquer de plaire».¹⁷⁹ У Вольфзона же, как и следовало ожидать, мы находим вполне точный перевод: «Er zeichnete sich von klein auf durch eine bemerkenswerthe Schönheit aus. Zudem war er selbstvertrauend, ein wenig spöttisch und ergötzlich boshaft — er mußte gefallen».¹⁸⁰

Вольфзону не суждено было дойти в своем переводе «Отцов и детей» дальше главы X романа — главы, в которой знаменитая «схватка» Павла Петровича с Базаровым — и, отчасти, с Аркадием — служит подтверждением афористично сформулированной мысли, которую Тургенев записал для себя, обдумывая замысел романа: «Не желайте никогда ни сам сказать, ни услышать последнего слова».¹⁸¹ Сложно предугадать, как Вольфзон справился бы с задачей передать на немецком языке всю «роскошь поэзии», заложенную в романе, в котором автор, по словам

---

¹⁷⁷ Указано Патриком Уоддингтоном 2 июня 2014 г. (по электронной почте).

¹⁷⁸ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 30.

¹⁷⁹ *Charpentier 1863*. P. 41. По этому поводу исследовательница замечает: «Трудно предположить, что кто-то другой, кроме самого Тургенева, мог вставить во французский текст ремарку в скобках, отсутствующую в оригинале» (*Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 311). Однако если принять во внимание последние находки П. Уоддингтона, то следует признать, что появился вполне правдоподобный кандидат — Делава, который был старше Тургенева на десять лет (он родился в Москве в 1807 или 1808 г.) и следовательно имел возможность в юности наблюдать за манерами в высшем свете времен Александра I.

¹⁸⁰ *Wolfsohn 1865*. S. 160.

¹⁸¹ См. подготовительные материалы к роману «Отцы и дети», которые были впервые опубликованы П. Уоддингтоном в «*New Zealand Slavonic Journal*» в 1984 г.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 12. С. 576.

Н. Н. Страхова, показывает нам «жизнь во всей ее красоте» — ту жизнь, которая «стоит выше всех лиц и даже выше Базарова».¹⁸² Изучение перевода первых десяти глав романа — а также завершенных переводов других произведений — дает нам, однако, полное право предположить, что если бы ему было суждено перевести роман целиком, то он сделал бы это мастерски, ибо к Вольфзону по праву можно отнести слова Тургенева из рецензии 1843 года на русский перевод «Вильгельма Телля»: «Дух (личность) переводчика веет в самом верном переводе, и этот дух должен быть достоин сочетаться с духом им воссозданного поэта».¹⁸³

Тургенев, по всей видимости, не сразу узнал о том, что Вольфзон предпринял перевод «Отцов и детей». В конце 1862 года он еще рассчитывал на Боденштедта как на будущего переводчика своего романа на немецкий язык.¹⁸⁴ О существовании журнала Вольфзона он, разумеется, знал, так как Боденштедт в конце мая 1862 года послал ему экземпляр самой первой книжки «Russische Revue», в которой был напечатан его перевод повести «Фауст»¹⁸⁵ — перевод, который Тургенев считал «просто прекрасным»¹⁸⁶ и который побудил его стремиться к дальнейшему сотрудничеству с Боденштедтом. Вольфзон, скорее всего, не обращался к Тургеневу за авторизацией перевода, поскольку, имея за плечами немалый опыт в издательском деле, был хорошо осведомлен об отсутствии конвенции между Россией и Германией, требующей такого разрешения.¹⁸⁷ Как и в других случаях, когда Тургенев узнавал о переводах

---

¹⁸² *Страхов Н. Н.* И. С. Тургенев. Отцы и дети // *Время*. 1862. № 4. Цит. по: Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. С. 252, 253.

¹⁸³ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 1. С. 190. Н. Г. Жекулин ссылается на рассуждения Тургенева в этой статье как на одно из самых ранних проявлений его интереса к «теории» перевода. См.: *Žekulin N.* Turgenev as Translator. P. 156–157.

¹⁸⁴ См. его письмо к Боденштедту от 25 октября (6 ноября) 1862 г.: «К этому (Выше Тургенев, по просьбе Боденштедта, перечисляет свои произведения, которые могли бы заинтересовать немецкого читателя. — *Л. С.*) можно бы еще прибавить мой последний роман: „Отцы и дети“. Я вышлю его вам дня через два или три» (*ПССиП(2)*). *Письма*. Т. 5. С. 125. Подлинник по-франц.).

¹⁸⁵ См. письмо Боденштедта к Тургеневу от 16 (28) мая 1862 г.: *Pannux X.* Тургенев и Боденштедт. С. 311–312. См. также: *Rappich H.* F. Bodenstedt und Turgenev. S. 213.

¹⁸⁶ *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 5. С. 121. Письмо к Боденштедту от 19 (31) октября 1862 г. Подлинник по-франц.

¹⁸⁷ См. об этом, например: *Rimscha H., von.* Die bisher unbekanntten Briefe Ivan S. Turgenevs an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. Wiesbaden, 1970. Bd. 18. H. 4. S. 531. Кстати, Боденштедт также не просил разрешения Тургенева на перевод «Фауста» для «Russische Revue», а поставил его, так сказать, перед совершившимся фактом.

своих сочинений после их выхода в свет, нельзя исключать, что кто-то в 1865 году обратил его внимание на появление перевода «Отцов и детей» в «Nordische Revue» — особенно если учесть, что журнал Вольфсона, по словам Теодора Фонтане, «пользовался хорошей репутацией» («in gutem Ansehen stand»).¹⁸⁸

К переводу «Отцов и детей» в штутгартской газете «Der Beobachter»

Как убедительно показала В. А. Лукина, Тургенев не сразу узнал и о первом полном переводе своего романа на немецкий язык, который публиковался с сентября по декабрь 1865 года под заглавием «Väter und Kinder» в фельетонах штутгартской ежедневной газеты «Der Beobachter. Ein Volksblatt aus Schwaben».¹⁸⁹ Здесь мы прежде всего должны подчеркнуть, что в отличие от более раннего неполного перевода Вольфсона в «Nordische Revue» перевод в «Beobachter», как доказала исследовательница, был выполнен исключительно на основе французского издания. Поскольку в ходе состоявшихся осенью 1868 года переговоров с издателем Тургенев сам согласился на то, чтобы перевод из «Beobachter», с которым он тогда впервые бегло ознакомился,¹⁹⁰ был положен в основу первого тома задуманного Б.-Э. Бере собрания его избранных сочинений на немецком языке, писателю оставалось винить лишь себя самого за то, что получившее широкое распространение митавское издание «Отцов и детей» базировалось на французском переводе, а не на русском тексте. Если уже в издании Шарпантье, несмотря на тщательную редактуру Мериме, встречались отклонения от оригинала (включая пропуски)¹⁹¹

¹⁸⁸ Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig. Цит. здесь по: Fontane 1988. S. 190.

¹⁸⁹ См.: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 291.

¹⁹⁰ См. письмо к Бере от 7 (19) ноября 1868 г.: ПССУП(2). Письма. Т. 9. С. 269.

¹⁹¹ Например, в главе XXI после того, как появление Василия Ивановича помешало Базарову познакомиться с Аркадием, в подлиннике читаем: «— Ну, полно, — шепнул Аркадий и пожал украдкой своему другу руку. Но никакая дружба долго не выдержит таких столкновений» (ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 123). Во французском издании последнее предложение отсутствует: «— Allons, en voilà assez, répondit Arcade, et il lui serra furtivement la main» (Charpentier 1863. P. 207). То обстоятельство, что в беловом автографе Тургенев вписал, но затем зачеркнул это предложение (см.: ПССУП(1). Соч. Т. 8. С. 466), которое тем не менее попало и в журнальное, и в отдельное издание романа, говорит в пользу гипотезы о Делаво как об авторе французского перевода, так как тот, как уже было отмечено, ознакомился с романом по рукописи.

и вставки¹⁹²), то, как и следовало ожидать, при переводе с французского на другой язык количество их лишь возросло. Ни редакторская работа Тургенева над первыми двенадцатью главами перевода из «*Veobachter*», ни последующая усердная проверка всего текста, осуществленная Л. Пичем (который, не владея русским языком, вынужден был сличать текст не с подлинником, а с французским изданием), не смогли вполне устранить из немецкого перевода все отклонения, а иногда и ошибки, перешедшие в него из французского.¹⁹³

Что касается авторства немецкого перевода в «*Veobachter*», который появился лишь с указанием инициалов переводчика — «О. Ф.», то оно, к сожалению, остается нераскрытым, но мы можем дополнить аргументацию В. А. Лукиной против ошибочного утверждения, встречающегося в научной литературе о Тургеневе, согласно которому переводчиком был австрийский литератор Мориц Гартман.¹⁹⁴ Гартман начал сотрудничать с «*Veobachter*» еще в 1865 году, когда проживал в Штутгарте, однако и в последующие годы он также неоднократно печатался на страницах этой газеты. Из составленной Гербертом Якобом (Jacob) библиографии Гартмана явствует, что в фельетонах «*Veobachter*» в конце октября 1868 года вышел также его перевод рассказа Тургенева «Три встречи».¹⁹⁵ Таким

---

¹⁹² Например, в главе XXVII, в начале своего предсмертного свидания с Одиной Базаров просит ее позволения отослать отца из комнаты, чтобы остаться с ней наедине. В подлиннике читаем: «Он указал головою на свое распростертое бесильное тело» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 182). Во французском издании описание жеста Базарова претерпело значительное изменение: «D'un mouvement de tête il semblait lui dire qu'elle n'avait rien à redouter d'un mourant» (*Charpentier 1863*. P. 313). Ни в беловом (см.: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 8. С. 477), ни в черновом автографе (см.: *Тургенев И. С. Отцы и дети / Изд. подгот. С. А. Батюто и Н. С. Никитина*. СПб., 2008. С. 435) нет никаких указаний на то, что такой вариант когда-либо предусматривался самим Тургеневым. Здесь, возможно, мы имеем дело с вмешательством Мериме-редактора, который, возвращая Тургеневу корректуру перевода, признался, что ради соблюдения приличий внес «несколько небольших изменений».

¹⁹³ См. тщательный анализ редактуры, которой подвергся перевод из «*Veobachter*»: *Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание)*. С. 298–311.

¹⁹⁴ См.: Там же. С. 294–295.

¹⁹⁵ *Drei Begegnungen. Eine Jagd- und Reise-Erinnerung von Iwan Turgeneff. Mit Erlaubniß des Verfassers übersetzt von Moritz Hartmann // Der Beobachter. Ein Volksblatt aus Schwaben. 1868. 21.–29. Oktober. № 245–248, 250–253*. См.: *J<acob> H<erbert>. Hartmann, Moritz // Deutsches Schriftstellerlexikon 1830–1880. Goedekes Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung — Fortführung / Bearbeitet von H. Jacob. Berlin, 2003. Bd. 3.2 (H). S. 232*. Натасха Хауэр (Natascha Hauer) — сотрудница библиотеки земли Вюртемберг (Württembergische Landesbibliothek; далее — *WLB*) — любезно сообщила нам дату номера газеты с первым выпуском перевода.

образом подтвердилось предположение, выдвинутое еще в первом академическом Полном собрании сочинений и писем Тургенева, о том, что данный перевод Гартмана появился именно в этой газете.¹⁹⁶

Это объясняет и сам факт обращения Тургенева к Гартману за адресом редактора «*Veobachter*» Карла Майера, понадобившегося ему для переговоров с Бере, и скорость, с которой последний исполнил просьбу Тургенева.¹⁹⁷ Не вызывает сомнений, что автором перевода «Отцов и детей», скрывшимся за криптонимом «О. Ф.», был один из постоянных сотрудников «*Veobachter*», который регулярно помещал в фельетонах этой газеты рецензии на различные книжные новинки, неизменно подписывая их теми же инициалами.¹⁹⁸ Как можно заключить по некоторым разбросанным в его рецензиях замечаниям, «О. Ф.» был уроженцем Штутгарта или близлежащих мест. Следовательно, уроженец Богемии Гартман никак не мог быть автором перевода из «*Veobachter*»,¹⁹⁹ не говоря уже о том, что в своей статье 1868 года о Тургеневе он весьма поверхностно охарактеризовал «Отцов и детей», назвав роман «беспощадным разоблачением» «пустой секты» нигилистов.²⁰⁰ Человек, взявший

---

¹⁹⁶ В комментарии к следующему месту из письма Тургенева к Гартману от 19 ноября (1 декабря) 1868 г.: «К. Майер прислал мне Ваш перевод „Trois Rencontres“: как всегда прелесть!» (*ПССУП(1). Письма*. Т. 7. С. 412. Подлинник по-нем.), — читаем: «Перевод Гартмана, по-видимому, был напечатан в газете „*Der Veobachter*“, редактором которой был Карл Майер» (Там же. С. 527). То же: *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 359. В списке переводов Гартмана из Тургенева, который Гюнтер Витженс составил в 1982 г., австрийский ученый смог только повторить это предположение: *Wytzens G. Zur österreichischen Turgenew-Rezeption bis 1918 // Wytzens G. Slawische Literaturen — Österreichische Literatur(en) / Hsg. von Fedor Poljakov und Stefan Simonek. Bern, 2009. S. 181.*

¹⁹⁷ См. письмо Тургенева к Бере от 9 (21) октября 1868 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 264. См. также изложение этих переговоров: *Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети»* (Митавское издание). С. 292–294.

¹⁹⁸ Приношу глубокую благодарность Наташе Хауэр (см. выше), которая в фондах WLB просмотрела номера «*Veobachter*» с сентября по декабрь 1865 г., пытаясь обнаружить какую-нибудь статью, подписанную полным именем «О. Ф.». Эти поиски оказались безуспешными, но г-жа Хауэр любезно предоставила цифровые копии нескольких рецензий, подписанных «О. Ф.», по которым можно составить представление о личности этого литератора.

¹⁹⁹ Составитель библиографии Гартмана Г. Якоб пришел к тому же выводу: «*Der Beitr.: Turgeneff, Iwan: Väter und Kinder. <Aus d. Franz. übers. v. O. F.> 35, 1865, № 228–306, offenbar nicht von Hartmann*» («Авт<ор>: Тургенев Иван: Отцы и дети. <Пер. с франц. О. Ф.> 35, 1865, № 228–306, очевидно не Гартмана»; см.: *J<acob> H<erbert>. Hartmann, Moritz. S. 232*).

²⁰⁰ См.: *Ergänzungsblätter zur Kenntnis der Gegenwart (Hildburghausen)*. 1868. Bd. 3. H. 6. S. 343.

на себя труд перевести роман Тургенева и для этого постаравшийся вникнуть в авторское отношение к Базарову, не мог вынести такой скоропалительный приговор!

Клер фон Глюмер — продолжательница дела В. Вольфсона

Поскольку перевод «Отцов и детей» в «Beobachter» не получил, как замечает В. А. Лукина, широкой известности,²⁰¹ не удивительно, что почти три года спустя, в апреле 1868 года, Клер фон Глюмер обратилась к издателю, чье имя пока установить не удалось, с предложением перевести целиком роман, который, по ее словам, полностью еще не выходил на немецком языке. Письмо Клер фон Глюмер хранится в Музее истории города Лейпцига (Stadtgeschichtliches Museum Leipzig) и публикуется здесь впервые:

Dresden, 22. Apr. 68.
Tharandterstraße 16^a.

Gehrter Herr!

In der Voraussetzung, daß Ihnen mein Name nicht ganz unbekannt sein dürfte, erlaube ich mir, bei Ihnen anzufragen, ob Sie vielleicht geneigt wären, eine Uebersetzung des Turgeneff'schen Romans: «Väter und Kinder» in Verlag zu nehmen. Dr. W. Wolfsohn hatte im Jahre 1865 die Uebertragung des Buches begonnen und den Anfang in zwei Nummern der «Nordischen Revue» erscheinen lassen, dann wurde er krank, starb und das höchst interessante Buch, das in Turgeneff's Meisterschaft ein ganzes Stück moderner russischer Kultur schildert, blieb unübersetzt. Mich selbst haben bis jetzt andere literarische Arbeiten an der Uebertragung gehindert; erst jetzt finde ich dazu Zeit und nachdem ich von Herrn Turgeneff die Erlaubniß erhalten, meine Uebersetzung als eine autorisirte bezeichnen zu dürfen, erlaube ich mir, mich mit obiger Anfrage an Sie zu wenden. Ich füge hinzu, daß «Väter und Kinder» ein splendid gedrucktes Bändchen von circa 20 Bogen füllen und daß ich, falls Sie nicht abgeneigt wären, auf mein Anerbieten einzugehen, Ihnen die von Wolfsohn übersetzten Kapitel gerne zur Ansicht vorlegen würde.

Ihrer Antwort entgegensehend

Hochachtungsvoll
ergeben

Claire von Glümer.²⁰²

²⁰¹ См.: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 293.

²⁰² Печатается по подлиннику: Stadtgeschichtliches Museum Leipzig, Nachlässe: Stohmann-Tietz Sammlung. Signatur: A/1229/2006. Благодарю Михаэля Волосиновского (Michael Volosinovszki), сотрудника Музея, за оформление заказа на сканирование письма. Письмо записано рукой подруги Глюмер — Августы Шейбе (Augusta Scheibe), как удалось установить Гудрун Бернгардт (см. выше), сравнившей по нашей просьбе почерк с автографами писем А. Шейбе, хранящихся в DLA (Марбах); подпись — автограф.

Dresden 22 Apr. 68.
Tharandterstraße 16^a

Gentlemen Sir!

In der Voraussetzung, daß Ihre
mein Name nicht ganz unbekannt
sein dürfte, erlaube ich mir, bei
Ihnen anzufragen, ob Sie willens
sind, mir meine Abhandlung
des Turgeneff'schen Romans: „Wörter
und Tücher“ in Abdruck zu geben.
Dr. W. Wolfson hat im Jahr 1865
die Abhandlung des Kaisers herausgegeben
und den Anfang in dem „Nüchternen
der Nordischen Revue“ veröffentlicht.
Ihrer
Gentlemen

Письмо К. фон Глюмер к неизвестному издателю от 22 апреля н. ст. 1868 г.
Первая страница. Музей истории города Лейпцига

С немецкого:

Дрезден, 22 апр. 68.
Тарандгер-штрассе 16^a.

Милостивый государь!

Предполагая, что мое имя Вам, наверное, не совсем неизвестно, позволяю себе осведомиться, не угодно ли Вам издать перевод романа Тургенева «Отцы и дети». Д-р В. Вольфзон в 1865 году начал переводить его и поместил начало перевода в двух номерах «Nordische Revue», но затем заболел и умер, так что эта интереснейшая книга, которая с присущим Тургеневу мастерством воссоздает полную картину современной русской культуры, осталась непереведенной. Другие литературные работы не позволяли мне ранее приняться за этот перевод. Только сейчас у меня появилось на это время и, получив от г-на Тургенева разрешение назвать свой перевод авторизованным, позволяю себе обратиться к Вам с данным предложением. Прибавлю, что «Отцы и дети» могли бы составить прекрасный томик примерно в 20 печатных листов и, если Вы сообразовоите принять мое предложение, я с удовольствием предоставлю на Ваше рассмотрение главы, переведенные Вольфзоном.

В ожидании Вашего ответа

с совершенным почтением

преданная Вам

Клер фон Глюмер.

Это письмо является окончательным доказательством того, что именно Вольфзон был автором перевода первых десяти глав «Отцов и детей», появившегося в его журнале в феврале — марте 1865 года. Клер фон Глюмер не только жила в одном городе с Вольфзоном, но и была с ним хорошо знакома, о чем свидетельствует, например, ее письмо к Вольфзону от 22 января н. ст. 1865 года, в котором она приглашала его с супругой к себе на вечер.²⁰³ Клер фон Глюмер упоминает в нем лишь стихотворения Вольфзона, которыми она, по собственному признанию, наслаждалась, но она, несомненно, была осведомлена и о его работе над переводом романа Тургенева.

Из приведенного выше письма от 22 апреля н. ст. 1868 года следует также, что ранее К. фон Глюмер обратилась к Тургеневу за разрешением на перевод романа. Однако ни ее письмо, ни положительный ответ Тургенева не дошли до нас. Возможно также, что она обратилась к нему

---

²⁰³ Письмо, о существовании которого мы узнали через электронную базу данных «Kalliope», хранится в Рукописном отделе Берлинской государственной библиотеки (Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, Handschriftenabteilung). Сотрудница Рукописного отдела Ирис Лоренц любезно сообщила нам его содержание. Впоследствии Ингольф Шван также обратил наше внимание на это письмо.

через посредство общего знакомого.²⁰⁴ В отличие от Вольфсона К. фон Глюмер посчитала необходимым обратиться к автору за авторизацией будущего перевода, несмотря на то, что, как уже отмечалось, никакой литературной конвенции между Германией и Россией не существовало. По-видимому, ее поступок объясняется тем, что в то время она еще рассчитывала на отдельное издание своего перевода, а указание на титульном листе, что перевод авторизован, повысило бы ценность издания и отгородило бы его от возможных конкурентов. Это был также знак уважения к автору, который по существовавшим законам не мог рассчитывать на авторский гонорар. Точно так же поступил, например, американский дипломат Юджин Скайлер, который в первой половине 1867 года обратился к Тургеневу с просьбой дать свое согласие на английский перевод «Отцов и детей».²⁰⁵ Когда роман в переводе Скайлера вышел в Нью-Йорке летом того же года, на титульном листе значилось, что перевод осуществлен с согласия автора.²⁰⁶

Перевод Клер фон Глюмер вышел не отдельным изданием, а сначала (с конца октября по середину декабря 1868 г.) печатался в виде литературного приложения («Romanbeilage») к немецкоязычной пражской газете «Correspondenz». Редакция сообщила читателям газеты о появлении

---

²⁰⁴ См. письмо Тургенева к Бере от 13 (25) июня 1869 г. из Баден-Бадена: «Припоминаю, будто не прошлой, а даже *позапрошлой* зимой (1866–7) — живший здесь д-р Поль говорил мне об одной даме, которая хотела переводить мои сочинения; я ответил на это очень *неопределенно*, так что (*вернее*: так как. — Л. С.) о согласии вообще не могло быть и речи; однако (*букв.*: ведь. — Л. С.) нынче в Германии согласие автора необязательно» (ПССУП(2). Письма. Т. 10. С. 288. Подлинник по-нем.). Хотя в начале этого письма упоминается М. Г. Пецольд, недавно обращавшаяся к Тургеневу по поводу своего перевода повести «Несчастная», Тургенев мог забыть о том, что полтора года тому назад к нему обращалась не Пецольд, а Глюмер.

²⁰⁵ См. письмо Тургенева к Скайлеру от 5 (17) июля 1867 г.: *Yakobson S.* Unpublished Letters of Ivan Turgenev // *Russian Literature Triquarterly*. 1982. № 17. P. 186. Как справедливо замечает А. Н. Николокин, этому письму должны были предшествовать другие, не дошедшие до нас письма Тургенева к Скайлеру. См.: *Николокин А. Н.* Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М., 1987. С. 81–82.

²⁰⁶ *Turgenev Ivan Sergeïevitch. Fathers and Sons / Translated from the Russian with the approval of the author by Eugene Schuyler, Ph.D.* New York, 1867. Несколько лет спустя Генри Холт, в издательстве которого вышел этот перевод, по собственному побуждению послал Тургеневу денежное вознаграждение за печатание его сочинений в США. См. письмо к П. В. Анненкову от 26 января (7 февраля) 1874 г., в котором Тургенев высказал свое радостное удивление по этому поводу: ПССУП(2). Письма. Т. 13. С. 15–16.

первой части перевода следующим образом: «В сегодняшнем номере мы начинаем публикацию анонсированного нами ранее романа Ивана Тургенева „Отцы и дети“, единственный авторизованный перевод которого на немецкий язык выполнила для нашей газеты известная писательница Клер фон Глюмер. О достоинствах этого самого последнего произведения знаменитого русского автора критика высказалась единодушно, открыто назвав его эпохальным явлением в современной русской литературе».²⁰⁷ Как видно из более поздних объявлений, редакция газеты решила начать публикацию (в литературном приложении) новейших произведений славянских литератур в немецком переводе именно с романа Тургенева, чтобы доказать необоснованность часто звучавших в немецкой прессе заявлений о том, что славяне лишены творческой самобытности.²⁰⁸

Итак, перевод К. фон Глюмер хронологически является вторым полным переводом (после перевода в «*Veobachter*») романа «Отцы и дети» на немецкий язык. Его смело можно считать продолжением дела Вольфзона не только потому, что переводчица, как мы в дальнейшем увидим, опиралась на труд своего предшественника, но и с точки зрения обстоятельств его появления. Точно так же, как и журнал Вольфзона, пражская газета «*Correspondenz*» намеревалась противостоять антиславянским (в том числе и антирусским) предубеждениям, которые в то время были широко распространены даже среди образованных немцев.

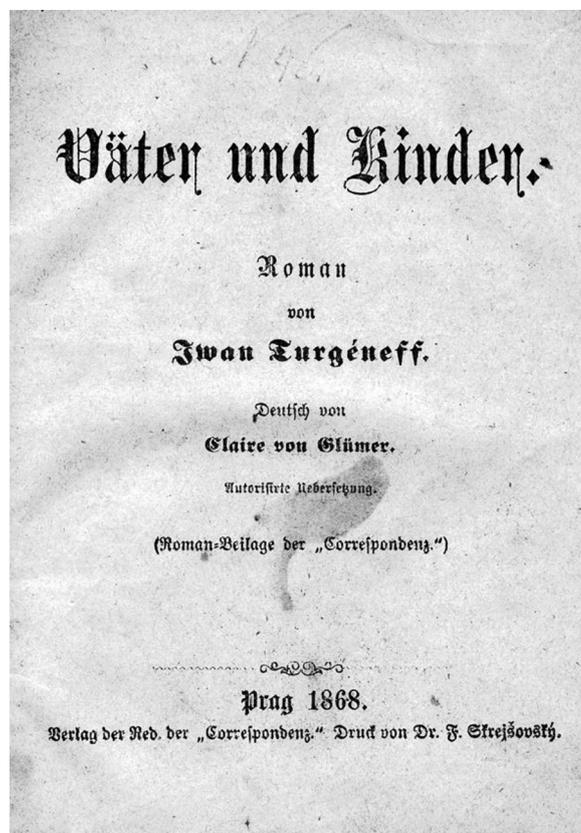
Однако прежде чем обратиться к самому переводу К. фон Глюмер — сведения о котором, как и о неполном переводе Вольфзона, отсутствуют в обоих академических изданиях Тургенева, — мы хотели бы представить биографию этой практически забытой на сегодняшний день писательницы. До последнего времени сведения о ней можно было почерпнуть только в соответствующих немецкоязычных справочных изданиях,²⁰⁹

---

²⁰⁷ *Correspondenz*. 1868. 28. Oktober. № 92.

²⁰⁸ См.: *Ibid.* 27. Dezember. № 151.

²⁰⁹ Уже в энциклопедии 1898 г., посвященной немецким писательницам, мы находим статью о ней: *Lexikon deutscher Frauen der Feder: Eine Zusammenstellung der seit dem Jahre 1840 erschienenen Werke weiblicher Autoren, nebst Biographien der lebenden und einem Verzeichnis der Pseudonyme* / Hsg. von Sophie Pataky. Berlin, 1898. Эта статья доступна в интернете: <http://www.zeno.org/Pataky-1898/A/Gl%C3%BCmer,+Fr1.+Claire+von>. Из более современных справочных изданий назовем: *Jonas G. Glümer, Claire von // Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945: Ein biographisches Lexikon*. S. 135; *Sagarra E. Glümer, Claire von // Killy Literaturlexikon: Autoren und Werke des deutschsprachigen Kulturraumes*. 2., vollständig überarbeitete Auflage / Hsg. von Wilhelm Kühlmann. Berlin; New York, 2009. Bd. 4. S. 256–257.

«Отцы и дети» в переводе К. фон Глюмер.
Литературное приложение газеты «Correspondenz» (1868).
Титульный лист

и лишь недавно ее личность и творчество стали предметом более обстоятельных исследований.²¹⁰

* * *

Писательница и переводчица Клер фон Глюмер родилась 18 октября н. ст. 1825 года в Бланкенбурге, в регионе Гарц в самом центре Герма-

---

²¹⁰ См. главу, посвященную Клер фон Глюмер и ее роману «Фата-моргана»: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. Königstein im Taunus, 2004.

нии. Она была старшей дочерью адвоката и журналиста Карла Веддо фон Глюмера (1798–1876) и писательницы Шарлотты Шпор (1799–1839) — двоюродной сестры композитора Людвиг Шпора.²¹¹ Ее отец в 1829 году оставил работу юриста, чтобы целиком посвятить себя публицистике и поддержать таким образом либеральную оппозицию в Германии, которой он сочувствовал со студенческих лет. За либеральные статьи его изгнали из нескольких немецких городов и государств. Ввиду усиливавшихся полицейских преследований так называемых «демагогов» он в марте 1833 года решил эмигрировать во Францию с женой и детьми. Следующие шесть лет семья провела в разных уголках юга Франции и Швейцарии. В своих воспоминаниях, написанных в конце жизни, Клер фон Глюмер рассказала, как в городке По у подножия Пиренеев общалась с детьми немецкого врача, который жил и работал в России, и благодаря им познакомилась с некоторыми русскими сказками.²¹² При такой скитальческой жизни, конечно, не могло быть и речи о регулярном посещении школы, и маленькая Клер училась главным образом на дому, у матери. Смерть последней в 1839 году явилась тяжелым ударом для всей семьи, тем более что, занимаясь литературным трудом, она пополняла скудные доходы семьи.

Летом 1841 года Клер вернулась в Германию, в Вольфенбюттель к дедушке, который после смерти ее матери принял на себя также заботу о внуке Бодо — ее любимом младшем брате. Шестнадцатилетней девушке пришлось исполнять роль компаньонки ослепшей тетки. Родственники не принимали политических убеждений ее отца и попрекали Клер за то, что она вместе с братьями и сестрами станет обузой для них после смерти дедушки, поэтому ей жилось там очень нелегко, и лишь в чтении она находила какое-то утешение. Одиночество Клер еще более усилилось после того, как Бодо в 1844 году покинул Вольфенбюттель, чтобы вступить в прусскую армию. В 1846 году она получила место гувернантки у знатной семьи вблизи города Хамельн, но вскоре поняла, что у нее нет призвания к педагогической работе. Она начала писать, но впоследствии сожгла все свои ранние литературные опыты. Узнав, что отец вернулся из эмиграции и поселился во Франкфурте, устроившись корреспондентом газеты «Magdeburger Zeitung», она решила бросить место гувернантки и присоединиться к нему. Клер стала помогать отцу

---

²¹¹ Большую часть биографических сведений о Клер фон Глюмер, представленных здесь, мы почерпнули из вышеназванной книги Марион Фрейнд.

²¹² *Glümer Cl., von. Aus einem Flüchtlingsleben (1833–1839): Die Geschichte meiner Kindheit.* Dresden; Leipzig, 1904. S. 243.

в составлении корреспонденций о заседаниях Франкфуртского парламента, и те семь месяцев (с октября 1848-го по март 1849 г.), которые она провела над этой работой, были богаты впечатлениями. Естественно, К. фон Глюмер сочувствовала прежде всего левым депутатам и познакомилась с некоторыми выдающимися личностями, в том числе с будущим приятелем и переводчиком Тургенева — Морицем Гартманом. Кроме того, у нее завязался роман с одним журналистом, который был значительно старше ее и к тому же женат. Вследствие этой несчастной истории, а также слишком больших нагрузок по газете она заболела и в конце марта 1849 года покинула Франкфурт, найдя временный приют у знакомой семьи близ Вольфенбюттеля. К тому времени она уже окончательно разорвала отношения с отцом, который во Франкфурте пытался все более и более оказывать на нее давление.

За участие в Дрезденском восстании ее любимый брат Бодо после ареста летом 1849 года был — как и один из руководителей восстания Бакунин — приговорен к смерти, с заменой приговора на пожизненное заключение. Клер ходатайствовала о помиловании брата и смягчении условий заключения, но не смогла ничего добиться. В марте 1850 года она переехала в Дрезден, чтобы быть ближе к брату, который отбывал там срок в тюрьме. Она снова стала заниматься воспитанием детей, но на этот раз не в частной семье, а в одном из «детских садов», которые были созданы в Германии по системе Фридриха Фрёбеля (Fröbel). Тогда же она познакомилась с будущей спутницей жизни — Августой Шейбе (1824–1898), которая училась на воспитательницу. Поскольку власти подозревали, что дети в таких учреждениях воспитывались в демократическом духе, вскоре Клер и особенно Августа оказались на подозрении полиции.²¹³ Когда осенью 1850 года заболевшего в тюрьме Бодо фон Глюмера перевели в городскую больницу, Клер предприняла попытку освободить его, но потерпела неудачу. После высылки из Саксонии она вместе с Августой поселилась в Брауншвейге, где они планировали открыть собственный детский сад.

Еще в Дрездене весной 1850 года ради дополнительного заработка К. фон Глюмер, по совету знакомого книготорговца, занялась переводами с французского. Свою переводческую деятельность она начала с сочинений Жорж Санд и одновременно завершила свой первый роман — «Fata Morgana. Ein Roman aus dem Jahre 1848» («Фата-моргана. Роман из 1848 года»), который вышел в свет в Лейпциге в 1851 году. О содер-

---

²¹³ Об этих учебных заведениях см.: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. S. 513.

жании романа дает хорошее представление книга Марион Фрейнд, посвященная восприятию революционных событий 1848/49 годов в Германии немецкими писательницами. Роман Глюмер частично опирается на ее собственные впечатления от заседаний Франкфуртского парламента. Возникшие тогда надежды на социальные преобразования, которые в романе воплощает Вернер фон Ринген, сторонник Фурье, оказываются в конце концов миражом, как следует уже из самого заглавия романа. Это относится и к надеждам на равноправие женщин в общественной и семейной жизни. Дочери Вернера фон Рингена Гертруде мерещится некий идеал отношений между мужчиной и женщиной, основанных на родстве душ. Но она — и в этом чувствуется горький опыт автора романа — не может поверить в возможность осуществления этого идеала, отдавая предпочтение дружбе, которая прочнее любви.²¹⁴ Роман «Фата-моргана» сегодня почти забыт, что отчасти объясняется его слабой композицией (как определяет ее М. Фрейнд). Затронутые в нем проблемы, однако, помогают понять, почему Клер фон Глюмер впоследствии заинтересовалась возможностью завершить труд Вольфсона, а несколько лет спустя планировала взяться за перевод романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».²¹⁵ В обоих романах, как бы они ни различались по концепции и художественной ценности, ставится вопрос о демократизации общества и тесно связанный с ним вопрос о возможности равноправия между мужчиной и женщиной.

В сентябре 1851 года К. фон Глюмер разрешили вернуться в Дрезден. Тогда же, однако, она приняла участие в организации побега из тюрьмы брата Бодо и других политических заключенных. Попытка вновь провалилась и повлекла за собой новое судебное дело, расследование которого затянулось на два года. Несмотря на то, что полиции не удалось найти никаких явных доказательств против Клер фон Глюмер, в начале апреля 1853 года ее арестовали и перевели в государственную тюрьму Саксонии — замок Губертусбург. Проведя три месяца в тюрьме, в начале июля она вышла на свободу и была снова выслана из Саксонии, без права возвращения.

Поселившись летом 1853 года в Вольфенбюттеле, К. фон Глюмер вместе с Августой Шейбе сначала намеревалась открыть дамский пан-

---

²¹⁴ См.: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. S. 536.

²¹⁵ См. ниже ее письмо в редакцию журнала «Über Land und Meer» от 8 (20) марта 1875 г., к которому были приложены на пробу две главы романа Чернышевского в ее переводе.

Клер фон Глюмер. Гравюра на стали А. Вегена.
Австрийская национальная библиотека

сионат, но из этой затеи ничего не вышло, и ей оставалось рассчитывать только на литературный заработок. По-видимому, в этом начинании ее поддерживал критик и историк литературы — и приятель Тургенева — Юлиан Шмидт.²¹⁶ За 1850-е годы Глюмер среди прочих работ перевела мемуары Жорж Санд «История моей жизни» (1854–1856). Выступала она и в роли редактора, выпустив восьмитомную «Bibliothek für die deutsche Frauenwelt» («Библиотеку для немецких женщин», 1856–1857).

Как подчеркивает М. Фрейнд, в январе 1859 года, с освобождением Бодо фон Глюмера из тюрьмы по амнистии, для его сестры настала более светлая пора. Она смогла вернуться вместе с Августой в Дрезден, где они и поселились до конца жизни. В «Эльбской Флоренции» ее литературная деятельность расцвела, и на протяжении последующих десятилетий она написала множество рассказов и повестей, из которых особо стоит выделить «Frau Domina» («Фрау Домина», 1873) и роман «Dönninghausen» («Дённингхаусен», 1881), выдержавшие несколько переизданий. Клер фон Глюмер составила себе имя и как переводчица, причем если вначале она занималась переводами с французского (Жорж Санд) и английского (Джонатан Свифт, Уилки Коллинз), то в 1870-е годы сосредоточилась почти исключительно на русской литературе. С возрастом, однако, пришли недуги, в том числе и ослабевшее зрение, которое мешало ей заниматься литературной работой. К счастью, ей была назначена пожизненная пенсия от Фонда Шиллера (одним из соучредителей которого, напомним, был Вольфзон). Умерла Клер фон Глюмер в Дрездене 20 мая н. ст. 1906 года и была похоронена рядом с Августой Шейбе, которую пережила на восемь лет. Ее могила не сохранилась, поскольку в 1945 году, как и большинство могил на кладбище святого Иоанна (Johannisfriedhof), была разрыта для захоронения всех погибших во время бомбардировки Дрездена.²¹⁷

В биографическом очерке о К. фон Глюмер, написанном одним из ее родственников и вышедшем уже после ее смерти, говорится, что в Дрездене она общалась со «многими выдающимися людьми».²¹⁸ Хотя имена их прямо не названы, известно, что среди них были такие видные представители «русской колонии» в Дрездене, как Вольфзон и Каролина

---

²¹⁶ См.: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. S. 595.

²¹⁷ См.: *Boetcher Joeres Ruth-Ellen.* Respectability and Deviance: Nineteenth-Century German Women Writers and the Ambiguity of Representation. Chicago, 1999. P. 294–295.

²¹⁸ Цит. по: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. S. 596.

Павлова. В письмах к Павловой А. К. Толстой не раз передает приветы Клер фон Глюмер.²¹⁹ Нам, к сожалению, пока не удалось установить, когда именно она начала изучать русский язык. Возможно, интерес к нему проснулся в то время, когда она подвизалась на ниве журналистики во Франкфурте. К этому же времени, по-видимому, относится ее знакомство со стенографом Парламента — Юлиусом Цейбигом (Zeibig), который самостоятельно изучил русский язык и перевел на немецкий язык басни Крылова. Цейбиг впоследствии стал директором Королевского стенографического института в Дрездене.²²⁰ Не исключено, что в 1860-е годы К. фон Глюмер имела возможность общаться с ним и вдохновиться его примером. Во всяком случае, в Дрездене, благодаря возникшей там «русской колонии», были все предпосылки для занятий русским языком. Так, в городе находились по крайней мере три библиотеки, в которых можно было получать русские книги на дом.²²¹

Перевод «Отцов и детей» в 1868 году был, насколько нам известно, первым переводом из русской литературы, предпринятым К. фон Глюмер.²²² Однако к тому времени она, по-видимому, не владела русским языком в достаточной мере, чтобы перевести роман Тургенева с оригинала. Дело в том, что изучение текста перевода, появившегося, как уже было отмечено, в литературном приложении к пражской газете «Correspondenz»,²²³ убеждает нас, что за исключением первых десяти глав, где

---

²¹⁹ Например, в письме от 26 марта (7 апреля) 1867 г.: «Наверно, Вы иногда встречаете mles Глюмер и Шейбе. Пожалуйста, пожмите им руки за меня и заверьте их в моих горячих дружеских чувствах» (Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 210. Подлинник по-франц.).

²²⁰ О Цейбиге и в особенности о его встречах с Достоевским и его женой в 1867 г. см.: *Hexelschneider E.* 1) Anna Dostojewskaja, Pavel Olchin und Julius Woldemar Zeibig: Aus der Geschichte der deutsch-(sächsisch-)russischen Beziehungen im Bereich der Stenographie // Archiv für Stenographie — Textverarbeitung — Bürotechnik. 2001. Bd. 3; 2) Wilhelm Wolfsohn und die russische Kolonie in Dresden. S. 350.

²²¹ См.: Ibid. S. 344–345.

²²² Такой вывод можно сделать на основании подробной библиографии ее сочинений и переводов: *S<elter> K<atrin>, J<acob> H<erbert>*. von Glümer, Clara // Deutsches Schriftstellerlexikon 1830–1880: Goedeke Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung — Fortführung / Bearbeitet von H. Jacob. Berlin, 2003. Bd. III.1 (G). S. 260–265.

²²³ Данное издание (*Glümer 1868*) является библиографической редкостью, поэтому неудивительно, что оно не упоминается ни в одном из известных нам справочных изданий, содержащих статьи о Клер фон Глюмер. Мы узнали о его существовании благодаря объявлению в интернете о продаже этого издания на аукционе, устроенном фирмой «Bassenge» в апреле 2013 г. См.: http://www.liveauctioneers.com/item/16687802_turgenjew-iwan-vter-und-kinder. Впоследствии удалось установить,

Глюмер опиралась на уже готовый перевод Вольфсона с русского, ее перевод был осуществлен с французского издания 1863 года.

Укажем на несколько показательных примеров. В главе XIII на вопрос Кукшиной, разделяет ли он мнение Прудона о женщинах, Базаров отвечает сухо: «Я ничьих мнений не разделяю: **я имею свои**».²²⁴ Во французском издании вторая часть этого ответа стала пространнее: «Je ne partage les idées de personne; j'ai **ma manière de voir en propre**» («Я ничьих идей не разделяю; у меня есть собственная точка зрения»)²²⁵ Точно так же и в переводе К. фон Глюмер: «„Ich theile keines Menschen Ansichten,“ sagte er, „sondern habe **meine eigene Weise, die Dinge zu sehen**“».²²⁶ Переводя мрачное высказывание Базарова в разговоре с Аркадием (глава XXI: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или **Сидора**, для которого я должен из кожи лезть <...>»²²⁷), французский переводчик (или Мериме-редактор!) решил заменить слишком «экзотическое» простонародное имя Сидора именем Жака, более понятным для французской аудитории: «Eh bien, moi, je me suis mis aussitôt à détester ce paysan, que ce soit Philippe ou **Jacques**, pour le bien-être duquel je serais obligé de trimer <...>».²²⁸ Наша переводчица последовала французскому варианту, предложив немецкое имя Якоб: «Ich aber habe in demselben Augenblick begonnen den Bauer zu hassen, mag er Philipp oder **Jakob** heißen, für dessen Wohl ich mich plagen soll <...>».²²⁹

Опираясь на французское издание, К. фон Глюмер по недосмотру допустила и некоторые очевидные ошибки. Так, в главе XVI Базаров и Аркадий шутят по поводу того, что Одинцова пригласила к себе таких

что один экземпляр хранится в Чешской национальной библиотеке (Národní knihovna České republiky) в Праге. За оформление заказа на сканирование этого экземпляра приношу глубокую благодарность сотруднице библиотеки Каролине Кошталовой (Karolína Košťálová).

²²⁴ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 65.

²²⁵ Charpentier 1863. P. 105.

²²⁶ Glümer 1868. S. 122.

²²⁷ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 120.

²²⁸ Charpentier 1863. P. 203. Следует заметить, что этот разговор во французском издании происходит не в главе XXI, а в главе XX. Дело в том, что во французском издании роман насчитывает 26 глав, а не 28, как во всех русских изданиях. Этот сбой перекочевал и в перевод в «Veobachter», и в Glümer 1868, и в первый том митавского издания с текстом перевода из «Veobachter», отредактированным Л. Пичем, который, не владея русским языком, не обращался к отдельному русскому изданию.

²²⁹ Glümer 1868. S. 236.

незнатных людей: «Особенно я, будущий лекарь, и лекарский сын, и дьячковский внук... Ведь ты знаешь, что я внук дьячка?.. — **Как Сперанский**, — прибавил Базаров после небольшого молчания и скривив губы». ²³⁰ Во французском издании это место передается верно (хотя со вставкой в начале фразы): «Un aristocrate comme moi surtout; un futur médecin, fils de médecin, et petit-fils de sacristain! car, je ne sais si je te l'ai jamais dit, je suis petit-fils de sacristain... **comme Spéranski**; ajouta Bazarof entre ses dents, après un moment de silence». ²³¹ Несмотря на то, что в издании Шарпантье есть подстрочное примечание, объясняющее, что Сперанский был известным государственным деятелем при Александре I, К. фон Глюмер, по-видимому, не обратила внимание на него, а неправильно прочла «comme» как «nommé» (т. е. «по имени»). От этого произошла путаница в последнем предложении: «„Einen Aristokraten meines Gepräges vor Allem! ... Einen künftigen Arzt! ... Sohn eines Arztes und Enkel eines Sakristans!“ rief Basaroff und nach einem Augenblick des Schweigens fuhr er mit zusammengepreßten Zähnen fort: „Ich weiß nicht, ob ich Dir schon erzählt habe, **daß mein Großvater Sakristan war und Speranski hieß?**“» («... Не знаю, рассказывал ли я тебе, что мой дед был дьячком и звался Сперанским?»). ²³²

Встречаются и другие ошибки, которые можно объяснить недостаточным знанием французского языка. Например, в конце главы XIX, после того как Базаров иронически спрашивает мужика-извозчика, бьет ли его жена, читаем: «Мужик задергал вожжами». ²³³ Во французском издании дополнительно раскрывается цель этого движения: «Le paysan donna une saccade à ses **chevaux**» («Крестьянин подстегнул своих лошадей»). ²³⁴ К. фон Глюмер вместо «chevaux» («лошадей») прочла «cheveux» («волосы»), и в ее переводе читаем: «Der Bauer schüttelte seine

²³⁰ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 76.

²³¹ Charpentier 1863. P. 125.

²³² Glümer 1868. S. 144–145. Эта довольно грубая ошибка не была исправлена и в новом издании перевода К. фон Глюмер, вышедшем в 1883 г.: Väter und Söhne von Iwan Turgenjew. Übersetzt von Claire von Glümer. Mit einer Einleitung von Robert Boxberger. Stuttgart, 1883 (далее — Glümer 1883). За предоставление цифровых копий титульного листа и вступления из этого издания, а также за проверку отдельных мест приношу глубокую благодарность Рейчел Гриффитс (Rachel Griffiths) и Кэтрин Аскоф (Catherine Ascough) — стажеркам в библиотеке Института Тейлора (Taylor Institution Library) при Оксфордском университете, в которой имеется экземпляр этого издания.

²³³ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 105.

²³⁴ Charpentier 1863. P. 174.

Haare» («Крестьянин встряхнул волосами»)²³⁵ В главе XXIII, после того как Базаров попросил Фенечку почитать немного «ученую книгу», происходит следующее: «Фенечка, которая принялась было разбирать вполголоса попавшуюся ей статью „о креозоте“, **засмеялась** и бросила книгу... она скользнула со скамейки на землю».²³⁶ Во французском издании читаем: «Fenitchka, qui essayait de déchiffrer à voix basse un paragraphe traitant „de la créosote“, se mit à **rire** et repoussa le livre qui glissa par terre».²³⁷ Вследствие неправильного прочтения глагола «rire» («смеяться») как «lire» («читать») в переводе К. фон Глюмер поведение Фенечки становится гораздо серьезнее: «Fenitschka, die eben einen Paragraphen über Kreosot zu entziffern suchte, fing an zu **lesen** und schob das Buch zurück, so daß es zu Boden fiel» («Фенечка, которая как раз пыталась разобрать статью о креозоте, начала читать и бросила книгу, так что она упала на землю»)²³⁸ В другом случае переводчица столкнулась с двусмысленностью некоторых французских слов. Так, в главе XXVI Базаров отказывается от предложения Одинцовой остаться в Никольском, и далее следует реакция героини: «Одинцова посмотрела на Базарова. Горькая усмешка подергивала его бледное лицо. „Этот меня любил!“ — подумала она — и жалко ей стало его, и с участием протянула она ему руку».²³⁹ Прочитаем только два первых предложения из французского перевода этого фрагмента: «Madame Odintsof regarda Bazarof. Un rire amer contractait **son pâle visage**».²⁴⁰ Во французском языке местоимение «son» может означать и «его» и «ее». К. фон Глюмер решила, что горькая усмешка появилась не у Базарова, а у Одинцовой: «Anna Sergewna sah Basaroff an; ein bitteres Lächeln verzerrte **ihr bleiches Gesicht**» («Анна Сергеевна посмотрела на Базарова; горькая усмешка исказила **ее** бледное лицо»)²⁴¹

Мы привели все эти примеры вовсе не из желания выставить «недостатки» Клер фон Глюмер как переводчицы, но чтобы показать, что при

²³⁵ *Glümer 1868*. S. 202. Эта ошибка также повторена в *Glümer 1883*. Указано Кэтрин Аскоф.

²³⁶ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 137.

²³⁷ *Charpentier 1863*. P. 233.

²³⁸ *Glümer 1868*. S. 272. На этот раз ошибка была исправлена в *Glümer 1883*: «Fenitschka, die eben einen Paragraphen über Kreosot zu entziffern suchte, fing an zu **lachen**, und schob das Buch zurück, so daß es zu Boden fiel». Указано Рейчел Гриффитс.

²³⁹ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 168.

²⁴⁰ *Charpentier 1863*. P. 288.

²⁴¹ *Glümer 1868*. S. 339. Эта ошибка была также исправлена во втором издании перевода, где читаем: «Anna Sergewna sah Basaroff an; ein bitteres Lächeln verzerrte **sein** bleiches Gesicht» (*Glümer 1883*. S. 227). Указано Кэтрин Аскоф.

переводе не прямо с русского, а через посредство французского издания подобные ошибки неизбежны. С другой стороны, она сама заметила несколько ошибок во французском издании и исправила их. Укажем лишь на один такой случай. В последней главе, где рассказывается о дальнейшей судьбе всех персонажей романа, читаем: «Фенечка, Федосья Николаевна, после мужа и Мити никого так не обожает, как свою **невестку** <...>».²⁴² Французский переводчик перепутал степень родства между Фенечкой и Катей и передал этот фрагмент следующим образом: «Fénitchka, maintenant Fédoïssia Nikolaïevna, n'aime personne au monde, après son mari et son fils, autant que sa **belle-sœur** <...>» (т. е. «жена брата», а не «жена сына»)²⁴³ У К. фон Глюмер же находим соответствующий оригиналу перевод: «Fenitschka, die jetzt Fedossia Nikolajewna heißt, hat außer Gatten und Sohn Niemand auf Erden lieber, als ihre **Schwiegertochter** <...>».²⁴⁴ В другом случае, где переводчица отступила от французского текста — и от подлинника, — заметно, пожалуй, желание подправить самого Тургенева. Речь идет о сцене объяснения Базарова с Одинцовой в ее кабинете: «Он быстро обернулся, бросил на нее **пожиряющий** взор <...>».²⁴⁵ Во французском издании читаем: «Il se retourna vivement, lui jeta un regard **dévorant** <...>».²⁴⁶ К. фон Глюмер, по-видимому, посчитала, что это прилагательное может создать ложное впечатление, будто Базаров здесь питает к Одинцовой одно вожделение, а не настоящую любовь, и в своем переводе заменила его другим: «Er wendete sich hastig um, sah sie **glühend** an <...>» («Он быстро обернулся, посмотрел на нее пылающим взором <...>»)²⁴⁷ Такой взгляд можно было бы скорее ожидать от гётевского Вертера!

Как уже было отмечено, для первых десяти глав романа К. фон Глюмер имела перед собой не только французское издание, но и немецкий перевод Вольфсона. В нескольких случаях она полностью позаимствовала отдельные предложения из перевода своего «предшественника»²⁴⁸ — включая его перевод стихов из «Евгения Онегина» в главе III. Тем не ме-

²⁴² ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 186.

²⁴³ Charpentier 1863. P. 320.

²⁴⁴ Glümer 1868. S. 378.

²⁴⁵ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 98.

²⁴⁶ Charpentier 1863. P. 162.

²⁴⁷ Glümer 1868. S. 188.

²⁴⁸ Например, его перевод иронического вопроса Базарова к Аркадию: «Видно, лишний наследничек нам не по нутру?» (ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 42), который звучит так: «Der Miterbe scheint dir nicht zu behagen» (Wolfsohn 1865. S. 318). Ср. у К. фон Глюмер: «Der Miterbe scheint Dir nicht zu behagen!» (Glümer 1868. S. 75).

нее следует признать, что большей частью она постаралась найти собственные слова и эту часть ее перевода никак нельзя назвать плагиатом. Иногда — отчасти потому что в отличие от Вольфсона она пользовалась французским изданием, отчасти благодаря тому, что она не была столь скована стремлением к максимальной точности перевода — мы находим у К. фон Глюмер более удачные решения, чем у Вольфсона. Это относится, например, к слову «одеженка», которым Базаров в главе IV пренебрежительно называет свой балахон: «Прикажите только чемоданишко мой туда стащить, да вот эту одеженку <...>».²⁴⁹ У Вольфсона читаем: «Lassen Sie nur meinen Koffer hinbringen und dieses **Gewändchen** <...>» («Велите только принести мой чемодан и эту одежду»)²⁵⁰ Это очень точный перевод русского слова, но нельзя не признать, что К. фон Глюмер подобрала более выразительное немецкое слово: «Ich bitte nur, daß Sie die Güte haben, meinen Mantelsack und diese **Lumpen** hinbringen zu lassen» («Прошу только, будьте добры распорядиться, чтобы принесли мой чемодан и эти лохмотья»)²⁵¹ Есть и другое высказывание Базарова, где излишний буквализм Вольфсона проигрывает переводу К. фон Глюмер. Имеется в виду замечание, которым Базаров подводит итог рассказу Аркадия о несчастной любви Павла Петровича к княгине Р. в главе VII: «Это всё романтизм, чепуха, гниль, художество».²⁵² Вольфзон перевел все эти слова буквально: «Alles das ist Romantik, Unsinn, **Fäulniß, Kunst!**».²⁵³ У К. фон Глюмер, которая здесь ориентировалась на французское издание, где слово «гниль» было опущено («Tout cela n'est que romantisme, divagation, langage d'artiste»²⁵⁴), Базаров выражается естественнее: «Nein, das ist Alles nichts als Romantik, Unsinn, **Künstelei!**».²⁵⁵ Вообще ей очень хорошо удалось передать на немецком тот «демократизм языка» разночинца Базарова, который подметил А. И. Батюто.²⁵⁶ Вот, например, как презрительное восклицание Ба-

²⁴⁹ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 18. В. А. Лукина обратила внимание на изменение, которому подвергся перевод этого слова в митавском издании после того, как Пич, в не дошедшем до нас письме, обратился к Тургеневу за разъяснениями некоторых не вполне понятных ему мест. См.: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 309.

²⁵⁰ Wolfsohn 1865. S. 147.

²⁵¹ Glümer 1868. S. 25.

²⁵² ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 34.

²⁵³ Wolfsohn 1865. S. 166.

²⁵⁴ Charpentier 1863. P. 320.

²⁵⁵ Glümer 1868. S. 59.

²⁵⁶ Батюто А. И. Из наблюдений над языком и стилем романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Тургенев И. С. Отцы и дети. С. 471.

зарова при отъезде из имени Кирсановых в главе XXIV («Барчуки проклятые»²⁵⁷) звучит у нее: «Verdammtes Junkerpack!» («Проклятый дворянский сброд юнцов!»).²⁵⁸ Недаром, кажется, К. фон Глюмер провела свои юные годы в обществе либералов и демократов, боровшихся против феодализма в немецких княжествах!

Работая над переводом первых десяти глав романа, К. фон Глюмер имела возможность пользоваться не только французским изданием, но и немецким переводом Вольфсона. Однако из двух вариантов перевода она порой выбирала вовсе не тот, что был ближе к подлиннику. Приведем несколько примеров, где ее выбор неудачно пал на французское издание. В главе III после того, как Базаров прерывает декламацию стихов Пушкина, читаем: «Николай Петрович умолк, а Аркадий, который начал было слушать его не без некоторого изумления, но и не без **сочувствия** <...>».²⁵⁹ Во французском переводе выделенное нами слово, столь важное для характеристики отношения Аркадия к отцу, претерпело значительное ослабление: «...Arcade, qui l'écoutait avec quelque surprise, mais non sans **intérêt** <...>» («...Аркадий, который слушал его с некоторым изумлением, но не без интереса <...>»)²⁶⁰ К сожалению, К. фон Глюмер последовала французскому изданию: «...Arkadi, der ihm mit einigem Erstaunen aber nicht ohne **Interesse** zugehört hatte <...>»²⁶¹ а не верному переводу Вольфсона: «...Arkadi, der ihm nicht ohne ein gewisses Befremden, aber auch nicht ohne **Mitgefühl** zugehört hatte <...>».²⁶² При передаче знаменитого антиэстетического «лозунга», которым Базаров в главе VI перебивает Павла Петровича: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта»,²⁶³ — К. фон Глюмер опять-таки ориентировалась на не совсем точный французский перевод: «Un **bon** chimiste est vingt fois plus utile que le **meilleur** poète» («Хороший химик в двадцать раз полезнее лучшего поэта»),²⁶⁴ так что у нее вышло так: «Ein **guter** Chemiker ist zwanzigmal mehr werth, als der **beste** Dichter!» («Хороший химик в двадцать раз ценнее самого лучшего поэта!»).²⁶⁵ А у Вольфсона,

²⁵⁷ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 150.

²⁵⁸ *Glümer* 1868. S. 300. Это значительно выразительнее, чем во французском издании: «maudits gentillâtres!» (*Charpentier* 1863. P. 255).

²⁵⁹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 17.

²⁶⁰ *Charpentier* 1863. P. 18–19.

²⁶¹ *Glümer* 1868. S. 22–23.

²⁶² *Wolfsohn* 1865. S. 145.

²⁶³ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 28.

²⁶⁴ *Charpentier* 1863. P. 38.

²⁶⁵ *Glümer* 1868. S. 45.

как почти всегда, совершенно точная передача всех слов оригинала: «Ein **ordentlicher** Chemiker ist zwanzigmal mehr werth, als **jeder** Dichter».²⁶⁶

Опора на французское издание привела к тому, что в перевод Клер фон Глюмер вкрались и уже упоминавшаяся вставка к характеристике молодого Павла Петровича в главе VII — «с’était la mode à cette époque»,²⁶⁷ — и одно «отклонение» в описании Фенечки в главе VIII: «Прелестно было выражение ее глаз, когда она глядела как бы исподлобья да посмеивалась ласково и немножко глупо».²⁶⁸ Французскому переводчику, по-видимому, не понравилось слово «глупо», и у него находим: «L’expression de ses yeux était charmante quand elle vous regardait un peu en dessous tout en riant d’un air **naïf** et caressant» («Выражение ее глаз было прелестно, когда она глядела на вас немного исподлобья, подсмеиваясь с ласковым и **наивным** видом»)²⁶⁹. К. фон Глюмер передала это место схожим образом, хотя и опустила глагол «смеяться»: «Der Ausdruck ihrer Augen, wenn sie unter halb gesenkten Lidern mit **unschuldig** zärtlichem Blick aufsahe, war reizend» («Выражение ее глаз, когда она смотрела из-под полуопущенных век невинно-ласковым взглядом, было прелестно»)²⁷⁰. Вольфзон же не считал нужным подправлять тургеневское описание: «Reizend war der Ausdruck ihrer Augen, wie sie so von unten aufblickte und zugleich freundlich und ein wenig **dumm** dreinlächelte» («Прелестно было выражение ее глаз, когда она глядела исподлобья и одновременно дружелюбно и немного глупо посмеивалась»)²⁷¹. Полагаться на французское издание было опасно в том числе и тем, что оно, как показала В. А. Лукина, опиралось на неокончателный текст журнального издания романа. Исследовательница указала на одно из мест в журнальной публикации, которое Тургенев изменил при подготовке отдельного русского издания. Оно также относится к характеристике Фенечки в главе VIII. В «Русском вестнике» о ней сказано: «...она жила тихонько, как мышонок в норке <...>», а в отдельном издании Тургенев поправил это место — «она жила тихонько, в сторонке <...>».²⁷² Эта по-

²⁶⁶ *Wolfsohn 1865*. S. 158.

²⁶⁷ Ср. в *Glümer 1868*. S. 49: «wie es die Mode damals verlangte» («как требовала тогдашняя мода»).

²⁶⁸ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 38–39.

²⁶⁹ *Charpentier 1863*. P. 57.

²⁷⁰ *Glümer 1868*. S. 67.

²⁷¹ *Wolfsohn 1865*. S. 313.

²⁷² См.: *Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 300. Следует добавить, что Тургенев внес эту поправку, поскольку это сравнение повторилось в главе XXIV — опять-таки в связи

правка не была учтена во французском издании: «...elle vivait tranquillement **comme une souris dans son trou** <...>».²⁷³ К. фон Глюмер и здесь предпочла это издание: «...und lebte still **wie ein Mäuschen in seinem Loch**»,²⁷⁴ а не перевод Вольфзона, который, напомним, был сделан с отдельного русского издания: «Sie lebte still, abseits <...>».²⁷⁵

С другой стороны, можно привести немало примеров, когда Клер фон Глюмер следовала Вольфзону, очевидно чувствуя, что его перевод ближе к подлиннику. Это относится к некоторым из уже рассмотренных нами примеров — например, сохранение названия «Евгений Онегин» в главе III; дословный перевод реплики Базарова в главе VI о «геморрое»; точная передача реакции Аркадия в конце главы IX, когда Базаров начинает смеяться над его отцом.²⁷⁶ Приведем и другой интересный пример, на который обратила внимание В. А. Лукина в своей статье. В рассказе о молодости Павла Петровича в главе VII сказано, что он «прочел всего пять, шесть французских книг».²⁷⁷ Во французском издании — с расчетом на иную аудиторию, как верно замечает исследовательница,²⁷⁸ — это место преобразовалось: «n'avait lu en tout que cinq ou six **brochures de Chateaubriand**» («прочел всего пять или шесть брошюр Шатобриана»)²⁷⁹ У Вольфзона мы, разумеется, находим полное соответствие с оригиналом: «...hatte in Allem fünf bis sechs französische Bücher gelesen».²⁸⁰ Клер фон Глюмер, очевидно, упоминание о Шатобриане во французском издании показалось странным и, сверившись с переводом Вольфзона, она из французского текста позаимствовала только слово «brochures» («брошюры»): «...hatte aber im Ganzen nicht mehr als fünf oder sechs **französische Broschüren** gelesen» («...в целом прочел не больше пяти или шести французских брошюр»)²⁸¹

с Фенечкой: «...она сидела в своей комнатке, как мышонок в норке» (*ПССуП(2)*). Соч. Т. 7. С. 142).

²⁷³ *Charpentier 1863*. P. 58.

²⁷⁴ *Glümer 1868*. S. 68.

²⁷⁵ *Wolfsohn 1865*. S. 314.

²⁷⁶ «Arkadi aber konnte bei aller Ehrfurcht vor seinem Meister nicht einmal lächeln» (*Glümer 1868*. S. 77). Ср. у Вольфзона: «Arkadi aber konnte bei aller Ehrfurcht vor seinem Lehrer jetzt nicht einmal lächeln» (*Wolfsohn 1865*. S. 319).

²⁷⁷ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 30.

²⁷⁸ *Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 304.

²⁷⁹ *Charpentier 1863*. P. 42.

²⁸⁰ *Wolfsohn 1865*. S. 160–161.

²⁸¹ *Glümer 1868*. S. 50.

Несмотря на явную ориентацию на французское издание романа — особенно начиная с главы XI, когда воспользоваться для справки переводом Вольфсона было уже невозможно, — некоторые детали в переводе К. фон Глюмер свидетельствуют о том, что русский язык был ей не чужим и, сталкиваясь во французском переводе со словами, означающими русские реалии, которые переводчик сохранил и транслитерировал, она обращалась либо к русскому словарю, либо к кому-то из «русской колонии» Дрездена за разъяснениями. Это особенно бросается в глаза при рассмотрении подстрочных примечаний в ее переводе. Она заимствовала далеко не все примечания из французского издания — не востребованными остались объяснения прежде всего тех слов, в пояснении которых немецкий читатель не нуждался, например Тоггенбург в главе XVII.²⁸² Заимствуя те или иные примечания к русским реалиям из издания Шарпантье, она зачастую их либо сокращала, либо расширяла, неизменно воспроизводя слово, как в транслитерированном виде, так и в кириллическом написании: «Nalim (**налим**), ein wohlschmeckender Fisch» («Налим, вкусная рыба»)²⁸³ (ср. во французском переводе: «Poisson d'un goût exquis; on en fait de l'*oukha*, sorte de bouillabaisse» — «Рыба отменного вкуса; из нее варят уху, разновидность буйабеса»²⁸⁴); «Jassen (**ясень**), der russische Name der Esche erinnert an jasni (**ясный**) hell, klar, heiter» («Ясень, русское название ясеня созвучно словам „светлый, чистый, ясный“»)²⁸⁵ (ср. примечание во французском переводе: «*Jassen*, le nom de cet arbre, en russe, ressemble à *iasni*, clair, transparent» («Ясень, название этого дерева по-русски напоминает *ясный*, то есть светлый, прозрачный»)²⁸⁶); «Kwass (**квас**), ein säuerliches Getränk aus Wasser, Mehl und Hefen» («Квас, кисловатый напиток из воды, муки и дрожжей»)²⁸⁷ (ср. французский вариант: «Boisson faite avec de l'orge» («Напиток, который готовят из ячменя»)²⁸⁸); «Schtschi (**щи**), Kohlsuppe; Bortsch (**борщ**), Suppe von rothen Rüben, Rindfleisch und Speck» («Щи, суп из капусты; борщ, суп из свеклы, говядины и сала»)²⁸⁹ (ср. во фран-

²⁸² Ср. во французском издании: «Héros d'une ballade de Schiller, qui meurt d'amour sous la fenêtré de sa bien-aimée» («Герой баллады Шиллера, который умирает под окнами своей возлюбленной») (*Charpentier 1863*. P. 143).

²⁸³ *Glümer 1868*. S. 247.

²⁸⁴ *Charpentier 1863*. P. 211.

²⁸⁵ *Glümer 1868*. S. 247.

²⁸⁶ *Charpentier 1863*. P. 264.

²⁸⁷ *Glümer 1868*. S. 321.

²⁸⁸ *Charpentier 1863*. P. 273.

²⁸⁹ *Glümer 1868*. S. 321.

цузском издании: «Le premier de ces potages est préparé avec des choux, le second avec des betteraves» («Первый из этих супов готовится из капусты, второй из свеклы»)²⁹⁰).

Вообще Клер фон Глюмер придерживалась иной переводческой «стратегии», нежели Вольфзон. Она не боялась вставлять русские слова в текст перевода. Так, вместо слова «Theemaschine» («чайная машинка»), которым Вольфзон решил перевести «самовар», у нее мы находим «Samowar» (как и во французском издании) со следующим примечанием: «Samowar: die russische Theemaschine» («Самовар: русский прибор для приготовления чая»)²⁹¹. Это, кстати, один из нескольких случаев, когда она внесла примечание, отсутствовавшее во французском издании. К другим подобным примерам относятся: «Isba (изба) Bauernstube» («Изба, хижина крестьянина»)²⁹², а также длинное объяснение по поводу неправильного немецкого произношения Василия Ивановича в разговоре с немецким врачом, которого Одинцова привезла к умирающему Базарову.²⁹³

Несомненный интерес К. фон Глюмер к русскому языку явствует также из примечания, которое она внесла в главе X, решив вслед за Вольфзоном дать буквальный перевод русской поговорки в устах Павла Петровича: «Очень нужно тащиться за пятьдесят верст киселя есть». Как уже отмечалось выше, французский переводчик сумел подобрать эквивалент на родном языке: «...me traîner à cinquante verstes pour ses beaux yeux» (см. выше). Глюмер позаимствовала (с некоторыми изменениями) перевод Вольфзона: «Ich fühle mich durchaus nicht berufen eine Fahrt von 50 Werst zu machen um Kissel zu essen» («Я вовсе не чувствую тяги совершить поездку за пятьдесят верст, чтобы есть кисель»), дав в примечании пояснение к этой поговорке: «Kissel: Hafergrütze. „Um Kissel zu essen“ sprichwörtliche Redensart, wie unser: „Für ein Butterbrod“» («Кисель: овсяная каша. „Киселя хлебать“ — поговорка, как наша: „За бу-

---

²⁹⁰ *Charpentier 1863*. P. 294.

²⁹¹ *Glümer 1868*. S. 33. На этот раз в примечании кириллическое написание отсутствует.

²⁹² *Ibid.* S. 236. Во французском переводе употребляется слово «isba» без какого-либо примечания (*Charpentier 1863*. P. 203). Переводчик, по-видимому, считал, что оно достаточно знакомо французским читателям благодаря французским изданиям «Записок охотника».

²⁹³ «Ik gabe statt: ich habe. Da das russische Alphabet kein **h** enthält, wird dieser Buchstabe durch **g** ersetzt und von wenig Gebildeten auch in fremde Sprachen übertragen» («„Ик габе“ вместо: ich habe. Поскольку в русском алфавите нет **h**, эту букву часто заменяет **г**, которую малообразованные люди переносят и в иностранные языки»). См.: *Glümer 1868*. S. 368.

терброд (т. е. даром. — Л. С.)“»²⁹⁴ Здесь ей удалось восполнить изъян в переводе Вольфзона, так как без какого-либо объяснения для иностранного читателя трудно понять точный смысл этого места.

Мы не располагаем данными о ходе работы К. фон Глюмер над переводом «Отцов и детей». Однако несомненно, что она взяла на себя эту задачу не только в поисках заработка. С одной стороны, ей, вероятно, было жаль, что труд Вольфзона останется незавершенным, с другой — роман вызвал у нее, без сомнения, неподдельный интерес. Возможно, в начале августа 1868 года ей попала в «Allgemeine Zeitung» статья Людвига Фридендера о Тургеневе, в которой он, в частности, замечал: «Большинство его повестей, написанных по-русски, еще не переведены на немецкий — в том числе и та, которую, возможно, следует поставить на первое место, — „Отцы и дети“».²⁹⁵ Если К. фон Глюмер прочла эти строки, они, несомненно, придали дополнительный смысл ее работе, успешно завершившейся где-то в декабре 1868 года с выходом последнего номера литературного приложения газеты «Correspondenz», в котором печатался ее перевод.²⁹⁶

Несмотря на то, что Клер фон Глюмер, как следует из ее письма от 22 апреля н. ст. 1868 года к неустановленному издателю, обратилась к Тургеневу с просьбой авторизовать ее еще не начатый перевод, на которую писатель ответил согласием, он, по-видимому, все же не знал

---

²⁹⁴ *Glümer 1868*. S. 83.

²⁹⁵ *Friedländer L. Iwan Turgenew // Allgemeine Zeitung*. 1868. 3. August. № 216. Цит. по публикации Г. Цигенгайста: *T und Deutschland*. S. 80. В комментарии Цигенгайст указывает на то, что от внимания Фридендера ускользнул перевод, появившийся в «*Veobachter*» в 1865 г., но ошибочно утверждает, что этот перевод был сделан с русского (*Ibid.* S. 85). Эта ошибка повторена в другой публикации Цигенгайста в этом же издании (S. 93). Примечательно, что Цигенгайст не упоминает о переводе, появившемся еще ранее в «*Nordische Revue*». В этом специальном сборнике, посвященном теме «Тургенев и Германия» и вышедшем под его редакцией, имя Клер фон Глюмер не упоминается ни разу.

²⁹⁶ Нам удалось установить дату выхода номера газеты, содержавшего начало ее перевода, — 28 октября н. ст. 1868 г., однако когда именно завершилось печатание «Отцов и детей», остается неизвестным. К сожалению, Австрийская национальная библиотека располагает неполным комплектом газеты «*Correspondenz*», тем не менее можно с уверенностью утверждать, что последний номер с романом Тургенева вышел до 27 декабря н. ст. 1868 г., так как в этот день в газете было помещено следующее объявление от редакции: «Мы недавно опубликовали роман Тургенева „Отцы и дети“ в переводе с русского; за ним последует теперь польский роман Б. Болеславиты „Полицейский агент“ в переводе д-ра *Зигфрида Каннера*» (*Correspondenz*. 1868. 27. Dezember. № 151).

о появлении ее перевода в пражской газете, поскольку в переговорах с Бере по поводу издания «Отцов и детей», начавшихся осенью 1868 года, нигде не упоминает об этом обстоятельстве.²⁹⁷ Следует заметить, что Тургенев часто получал аналогичные запросы от немецких переводчиков и, как правило, в таких случаях ссылаясь на отсутствие литературной конвенции между Россией и Германией,²⁹⁸ так что положительный ответ, данный им Глюмер, ни к чему его не обязывал. Людвиг Пич, скорее всего, также не знал о переводе Глюмер. Перечисляя в начале появившейся в июне 1869 года рецензии на митавское издание «Отцов и детей» вышедшие на тот момент немецкие переводы сочинений Тургенева, Пич заметил: «Можно также добавить (к переводам Боденштедта. — Л. С.) достаточно посредственный перевод „Отцов и детей“ и в недавнее время „Дыма“».²⁹⁹ Если бы Пич кроме перевода из «*Beobachter*» (1865) имел в виду и перевод К. фон Глюмер (1868), то он должен был причислить его к «недавним» переводам.

К счастью, до нас дошел ценный отзыв о переводе Клер фон Глюмер. Это — письмо, которое А. К. Толстой послал жене из Дрездена в декабре 1871 года: «...Я был у *mlle Glümer*, которая дала мне свой немецкий перевод „Отцы и дети“. / Я не могу сказать тебе, с каким неожиданным удовольствием я это читаю. / Какие звери — те, которые обиделись на Базарова! / Они должны были бы поставить свечку Тургеневу за то, что он выставил их в таком прекрасном виде. Если бы я встретился с Базаровым, я уверен, что мы стали бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить».³⁰⁰

²⁹⁷ Благодарю В. А. Лукину за то, что она обратила мое внимание на этот аспект.

²⁹⁸ См., например, его письмо к Карлу Мюллеру от 5 (17) мая 1869 г., фрагмент которого опубликован: *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 311. В июне 2012 г. оно вновь было выставлено на аукционе. См.: J. A. Stargardt. *Autographen aus allen Gebieten*. Auktion 5. und 6. Juni 2012. Katalog 698. S. 154. Los 277. Мюллер обратился к Тургеневу с просьбой авторизовать именно перевод романа «Отцы и дети».

²⁹⁹ «Ein paar weniger als mittelmäßige Übertragungen der „Väter und Söhne“ und in neuerer Zeit des „Rauch“ von anderer Seite sind noch hinzugekommen» (*Vossische Zeitung*. 1869. 10. Juni. № 132; цит. по: *Turgenjew I. Briefe an Ludwig Pietsch* / Hsg. von Ch. Schultze. Berlin; Weimar, 1968. S. 152). Русский перевод цит. по: *Перминов Г. Ф.* «Отцы и дети». Статья Л. Пича о романе Тургенева (1869) // *Т Сб.* Вып. 2. С. 164.

³⁰⁰ *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 388. Письмо от 11 (23) декабря 1871 г. В примечании к первому предложению сказано: «Читал ли Толстой перевод Глюмер в рукописи или он уже был напечатан — не установлено. Нам известно лишь его более позднее издание, вышедшее в Штутгарте в 1883 г.» (Там же). Сейчас мы знаем, что перевод Клер фон Глюмер действительно был уже напечатан, а именно в литературном приложении к пражской газете «*Correspondenz*» в конце 1868 г.

Из этого единственного известного нам высказывания А. К. Толстого об «Отцах и детях» явствует, что даже в немецком переводе — и притом в переводе, который осуществлялся большей частью с французского, — роман Тургенева оказывал глубокое воздействие на непредубежденного читателя, как и мечталось его автору, судя по записи из дневника Тургенева за 30 июля (11 августа) 1861 года, которую он привел в статье «По поводу „Отцов и детей“» (1869): «Не знаю, каков будет успех. „Современник“, вероятно, обольет меня презрением за Базарова и не поверит, что во всё время писания я чувствовал к нему невольное влечение...».³⁰¹ А. К. Толстой воспринял Базарова как живое лицо и, называя его «прекрасным», в сущности повторил более знаменитые слова Достоевского о «беспокойном и тоскующем Базарове (признак великого сердца)».³⁰² Положительный отзыв от такого замечательного поэта, как А. К. Толстой, конечно, не мог не обрадовать переводчицу!

Другие переводы Клер фон Глюмер из русской литературы

Имя Клер фон Глюмер в переписке Тургенева впервые упоминается в постскрипуме к его письму к Юлиану Шмидту от 19 февраля (3 марта) 1873 года: «От Пауля Гейзе получил я наконец очень милое и тонкое письмо. Он прислал мне два томика избранных иностранных новелл с моим „Фаустом“ и „Первой любовью“. Он очень хвалит перевод (какой-то дамы — Claire von Glümer) и критикует авторизованный рижский перевод. Я заглянул мельком в „Первую любовь“: очень мило».³⁰³ По-видимому, Тургенев к тому времени уже забыл о том, что несколько лет тому назад Глюмер обратилась к нему — либо письменно, либо через посредство третьего лица, — чтобы сообщить о готовящемся ею переводе «Отцов и детей».

В письме к Шмидту речь идет о двух переводах, выполненных К. фон Глюмер для четырнадцатитомного собрания «Novellenschatz des Auslandes» («Сокровища иностранной новеллы»), которое Пауль Гейзе вместе с Германом Курцем издавал в Мюнхене в 1872–1876 годах па-

---

³⁰¹ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 87.

³⁰² Достоевский. Т. 5. С. 59.

³⁰³ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 110. Немецкий оригинал этого письма неизвестен. В основном тексте письма речь идет как раз о подготовке переиздания «Отцов и детей» для второго митавского издания. См. об этом: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 312–314.

параллельно с собранием «Deutscher Novellenschatz» («Сокровища немецкой новеллы», 1871–1877). К сотрудничеству в издании «Novellenschatz des Auslandes» Гейзе старался привлекать только самых лучших переводчиков Германии. Наибольшее количество произведений (12 из 56) Гейзе доверил Августе Шейбе.³⁰⁴ На долю Глюмер пришлось ненамного меньше — семь переводов, причем все из русской литературы, как видно из следующего перечня:³⁰⁵

- «Фауст» И. С. Тургенева — «Faust» (Bd. 1, 1872)
- «Выстрел» А. С. Пушкина — «Ein Schuß» (Bd. 2, 1872)
- «Утбалла» Е. А. Ган — «Utballa» (Bd. 3, 1872)
- «Пиковая дама» А. С. Пушкина — «Pique Dame» (Bd. 4, 1873)
- «Первая любовь» И. С. Тургенева — «Erste Liebe» (Bd. 6, 1873)
- «Семейное счастье» Л. Н. Толстого — «Eheglück» (Bd. 13, 1874)
- «Леший» А. Ф. Писемского — «Der Waldteufel» (Bd. 14, 1876)

У нас не было возможности изучить эти переводы и установить, опиралась ли К. фон Глюмер (и если да, то в какой мере) на более ранние немецкие издания — «Фауст» и «Первая любовь», например, были уже к тому времени переведены Боденштедтом, а «Утбалла» — Вольфзоном,³⁰⁶ — но следует подчеркнуть, что на титульном листе каждого из них значится: «Aus dem Russischen von Claire von Glümer» («Перевод с русского Клер фон Глюмер»). Нет никаких причин сомневаться в том, что к началу 1870-х годов она уже в достаточной степени владела русским, чтобы переводить прямо с оригинала, а не через посредство французских изданий, как в случае с «Отцами и детьми».

Инициатива сотрудничества с Гейзе, как установила Гизела Йонас, исходила от самой Глюмер, которая познакомилась с ним в октябре 1871 года. Она тогда предложила выбрать и перевести для его издания русские новеллы и с этой целью в 1872–1875 годах обращалась за помощью к знакомым как в России, так и среди «русской колонии» Дрез-

---

³⁰⁴ См.: *Frank A.-P. Kopftheater: Über eine vergessene oder unterdrückte Art, Literatur zu übertragen // Literaturübersetzen: Englisch. Entwürfe, Erkenntnisse, Erfahrungen / Hsg. von H. Friedl, A.-R. Glaap, K. P. Müller. Tübingen, 1992. S. 99.* Для собрания Гейзе Августа Шейбе перевела среди прочего «семейную сказку» Диккенса «Сверчок за очагом».

³⁰⁵ Этот список составлен на основе двух статей Гизелы Йонас: *Jonas G. 1) Paul Heyses Beziehungen zur russischen und tschechischen Literatur // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Bd. 13. H. 3. S. 446; 2) Paul Heyses Beitrag zur Rezeption russischer Novellen in Deutschland // Ibid. 1971. Bd. 16. H. 2. S. 240, 242.*

³⁰⁶ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken. S. 240.*

дена.³⁰⁷ Общавшись с А. К. Толстым в декабре 1871 года, она не только дала ему для ознакомления экземпляр своего перевода «Отцов и детей», но и советовалась с ним о том, какие произведения русских авторов следовало отобрать для издания Гейзе. Как видно из письма Глюмер к Гейзе от 5 января н. ст. 1872 года, первым А. К. Толстой назвал своего более знаменитого однофамильца: «Он прежде всего считает, что граф Лев Толстой не должен отсутствовать в Вашем собрании, и рекомендует следующие его произведения: „Детство“, „Казачи“ и „Кавказские очерки“».³⁰⁸

Эти советы не пропали даром. И хотя в собрание «Novellenschatz des Auslandes» в итоге вошла лишь одна повесть Л. Н. Толстого — «Семейное счастье», К. фон Глюмер в то же время взялась за перевод его самого значительного произведения — романа «Война и мир». Ее перевод начал публиковаться в марте 1873 года в вечерних выпусках немецкоязычной пражской газеты «Politik», но из-за временной приостановки газеты публикация оборвалась в конце января 1876 года на главе XXXIII части III третьего тома — там, где Пьер во время пожара Москвы спасает из огня маленькую девочку. Хотя большая часть романа была ею переведена, к работе над ним К. фон Глюмер по каким-то причинам так и не вернулась. Позднее Рафаил Лёвенфельд (Raphael Löwenfeld) с ее согласия пересмотрел и дополнил ее перевод, положив его в основу самого полного к тому времени немецкого издания «Войны и мира» (1892–1893).³⁰⁹

Письма Глюмер к Гейзе, которые хранятся в Баварской государственной библиотеке, свидетельствуют о ее деятельном участии в подготовке собрания «Novellenschatz des Auslandes». Чтобы обеспечить успех

---

³⁰⁷ Jonas G. Paul Heyses Beitrag zur Rezeption russischer Novellen in Deutschland. S. 238. В своей статье Йонас называет ее «московского приятеля Петра Юргенсона», но не приводит никаких сведений о нем. Мы предполагаем, что это мог быть музыкальный издатель и друг П. И. Чайковского — П. И. Юргенсон, который в июле 1873 г. посетил Дрезден вместе с композитором и, возможно, тогда же познакомился с Глюмер. К сожалению, данных, подтверждающих это предположение, пока найти не удалось. Ни в архиве издательства Юргенсона, который хранится во Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры имени М. И. Глинки, ни в архиве семьи Юргенсон, хранящемся в РГАЛИ, нет никаких писем от Клер фон Глюмер (указано А. В. Комаровым).

³⁰⁸ Цит. по: Ibid. S. 239. Подлинник по-нем.

³⁰⁹ См.: *Штудльц Хр.* Толстой в Германии (1856–1910). См. также предисловие Р. Лёвенфельда ко второму изданию романа (1901), которое приводится в выдержках: *Lexikon deutsch-jüdischer Autoren / Red. Leitung: R. Heuer. Berlin, 2008. Bd. 16. S. 116.*

этого издания, она, в частности, советовала Гейзе отбирать прежде всего те русские произведения, которые еще не появлялись на немецком языке.³¹⁰ Сведения о ее успехах дошли и до Тургенева, который, несмотря на обнаружившиеся в ее переводе «Первой любви» «неприятные недоразумения»,³¹¹ рекомендовал ее Бере в мае 1874 года в качестве переводчицы для последующих томов своих избранных сочинений на немецком языке: «Поскольку Вы, кажется, испытываете некоторые трудности с переводчиками, я хотел бы обратить Ваше внимание на г-жу *Клер фон Глюмер*, которую мне чрезвычайно хвалил Пауль Гейзе в Мюнхене. Она очень помогла ему в работе над „Избранными иностранными новеллами“». ³¹²

Из идеи сотрудничества в митавском издании ничего не вышло, но параллельно с работой над историческим романом Толстого в 1870-е годы Глюмер продолжала искать возможность заниматься и произведениями русской литературы, в которых, как и в «Отцах и детях», затрагивались более «актуальные» темы. Этим объясняется ее обращение в редакцию штутгартской еженедельной газеты «Über Land und Meer» в марте 1875 года с предложением перевести роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Из ее письма по этому поводу видно, что ее мнение об авторе было достаточно высоким: «Имя Чернышевского в Германии никому почти неизвестно. В России же оно является страшилищем старорусской партии и кумиром молодежи, несмотря на то — или, возможно, из-за того, — что его носитель не принадлежит к нигилистам, а верит в прогресс человеческого рода и стремится усердно и деятельно к тому, чтобы внести в него свою лепту». ³¹³ К письму она приложила две главы

---

³¹⁰ См. ее письмо от 13 (25) февраля 1874 г., выдержки из которого приводятся: *Zymonrja M. Deutschland und Ukraine: Durch die Abrisse zur Wechselseitigkeit von Kulturen*. Paris; Lemberg; Zwickau, 1999. S. 108. В этом исследовании рассматривается ее перевод украинского рассказа Марко Вовчка «Козачка», который она выполнила (по русскому переводу Тургенева) в 1875 г., но который не был включен в собрание Гейзе. Он впервые появился под заглавием «Leibeigen» в берлинской газете «Die Tribüne» в феврале 1882 г.

³¹¹ См. письмо к Юлиану Шмидту от 24 апреля (6 мая) 1873 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 12. С. 136. Немецкий подлинник этого письма к Шмидту также остается неизвестным.

³¹² Там же. Т. 13. С. 284. Подлинник по-нем. Письмо от 17 (29) мая 1874 г.

³¹³ «Der Name Tschernischeffski ist in Deutschland ziemlich unbekannt; in Rußland ist er der Schrecken der altrussischen Partei u<nd> der Abgott der Jugend, obwohl, oder vielleicht weil sein Träger nicht dem Nihilistenthum angehört, sondern an den Fortschritt des Menschengeschlechts glaubt, u<nd> ernst u<nd> energisch bemüht ist, sein Scherflein dazu beizutragen». Письмо в редакцию «Über Land und Meer» от 20 марта н. ст.

из романа в своем переводе, со следующим пояснением: «Некоторое представление о своеобразном стиле Ч<ернышевского> Вам дадут приложенные листы. Вы сможете лучше меня судить, придется ли этот стиль по вкусу немецкой читающей публике. Меня же повесть так сильно заинтересовала, что перевести ее было бы для меня настоящей радостью. Но задача эта нелегка и поэтому, прежде чем взяться за этот труд, я хотела бы быть уверена в том, что он будет напечатан».³¹⁴ Первый немецкий перевод «Что делать?», однако, вышел лишь в 1883 году в трехтомном издании, и хотя там не указывалось имя переводчика,³¹⁵ маловероятно, чтобы им была Клер фон Глюмер.

В чем же заключается основная разница между подходами к переводу «Отцов и детей» Вольфсона и Глюмер, помимо того факта, что первый переводил с русского, а вторая преимущественно с французского? Скажем прямо, что для Вольфсона работа над романом Тургенева являлась кровным делом, неразрывно связанным с любовью к стране детства и юности, с надеждами на ее будущее развитие. Для Клер фон Глюмер же, несмотря на увлечение русской литературой, побудившее ее к изучению языка, Россия оставалась чужой страной. Поэтому ее рассуждения об «Отцах и детях», изложенным в статье о Тургеневе, которая появилась в газете «Über Land und Meer» в декабре 1876 года, присуща некоторая «холодная» объективность. Так, говоря о романах «Отцы и дети» и «Дым», она замечает, что «в них он с одинаковой беспощадностью показывает как ложные пути, по которым пошла молодая Россия в своих цивилизаторских устремлениях, так и опасности, которые таят в себе приверженность к старой рутине, умственная лень, поверхностность и эгоистическое довольство прошлым».³¹⁶

1875 г. (цит. по подлиннику: Sächsische Landesbibliothek — Staats- und Universitätsbibliothek Dresden / Mscr.Dresd.Aut. 2124. За оформление заказа на сканирование письма благодарю Петру Долле (Petra Dolle), сотрудницу Немецкой фототеки (Deutsche Fotothek) в Дрездене).

³¹⁴ «Von der eigenartigen Schreibweise Tsch<ernischeffskis> geben Ihnen die beikommanden Blätter eine Probe. Ob dieselbe Schreibweise dem deutschen Lesepublikum zusagen wird, können Sie besser beurtheilen als ich. Mich hat die Novelle so lebhaft interessirt, daß es mir eine wahre Freude sein würde, sie zu übersetzen. Aber die Aufgabe ist nicht leicht u<nd> ich möchte deshalb, ehe ich die Arbeit übernehme, ihres Gedrucktwerdens sicher sein» (Ibid.). Две главы из «Что делать?» в ее переводе до нас не дошли.

³¹⁵ См. об этом издании: Дювель В. Чернышевский в немецкой рабочей печати (1868–1889) / Пер. Л. М. Бродской // ЛН. Т. 67. С. 184–191.

³¹⁶ «...die Romane: „Väter und Kinder“ und „Dunst“ <...>, in denen er ebenso rücksichtslos die Irrwege zeigt, die das junge Rußland bei seinen civilisatorischen Bestrebungen

В этих строках мы не найдем той горячей веры в торжество «духа доброты и любви» в России, которой проникнуто предисловие Вольфзона к первому номеру «Russische Revue». Именно эта вера, на наш взгляд, заставила его взяться за перевод романа «Отцы и дети», в котором Тургенев в лице Базарова с его — по меткому наблюдению Достоевского — «великим сердцем» изобразил отнюдь не отрицателя или будущего революционера, но человека, способного проявить деятельную любовь на благо других и своей страны.

Как верно заметила К. Шульце, для Вольфзона занятия русской литературой не были просто ремеслом, дававшим ему средства к существованию, а настоящим призванием.³¹⁷ Своими переводами и статьями он хотел приблизить немцев к любимой русской литературе, а также, по словам А. Б. Ботниковой, «ввести молодую и малоизвестную тогда литературу в общее русло европейского культурного развития».³¹⁸ Таким образом и он хотел внести свою лепту в то возрождение русского общества, которое началось в 1860-х годах.

Как ни странно, если принять во внимание трагические события, произошедшие в Германии — и во всей Европе — в конце первой половины XX века, могила Вольфзона на еврейском кладбище в Дрездене сохранилась до наших дней. На надгробной плите вырезаны слова, в которых отражается весь смысл его жизни и трудов: «Благородному поэту и апостолу гуманности» («Dem edlen Dichter und Priester der Humanität»)³¹⁹.

---

eingeschlagen, wie die Gefahren, die in dem Festhalten am alten Schlendrian, in der Geisträgheit, der Oberflächlichkeit und dem egoistischen Behagen der Vergangenheit liegen» (*Glümer Cl.*, von. Iwan Turgenjew // Über Land und Meer. 1876. № 50. S. 995). Указание на эту статью обнаружилось в статье Г. Йонас о Глюмер: *Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein biographisches Lexikon*. S. 135. Мерседес Агуадо Сагаррибай (Mercedes Aguado Sagarriba) любезно сделала копию статьи по микрофильму комплекта газеты за 1876 г., хранящегося в газетном отделе Британской библиотеки.

³¹⁷ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 121.

³¹⁸ Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.). С. 127.

³¹⁹ См.: *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn*. S. 51.